

Иерей Гордей Щеглов

Ксенофонт Говорский: на пути к изданию «Вестника Западной России»

Аннотация. По сегодняшний день личность Ксенофонта Антоновича Говорского (1811–1871), известного издателя общественно-политического журнала «Вестник Западной России» (1862–1871), по-разному оценивалась и оценивается исследователями. Одни рисуют его образ темными красками, другие, напротив, превозносят, и все это в зависимости от идеологических или идейных пристрастий. Впрочем, эти оценки касаются прежде всего деятельности К. А. Говорского как редактора-издателя «Вестника». Вместе с тем его биография до настоящего времени написана не была. Настоящая публикация как раз и представляет попытку реконструкции жизни К. А. Говорского и того, как вызревала идея издания журнала и каким образом он был учрежден. Исследование написано преимущественно на основании многочисленных архивных источников, большинство сведений из которых впервые вводится в научный оборот. Заметим, что в публикации представлен период жизни К. А. Говорского до начала издания «Вестника», хронологически охватывающий полстолетия.

Ключевые слова: К. А. Говорский, архиепископ Василий (Лужинский), Православная Церковь, Святейший Правительствующий Синод, уния, археография, западнорусизм, «Вестник Западной России», Беларусь.

Образец цитирования: Щеглов Гордей, иерей. Ксенофонт Говорский : на пути к изданию «Вестника Западной России» / иерей Гордей Щеглов // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. – 2022. – № 10. – С. 50–103.

Об авторе: *Щеглов Гордей Эдуардович* – иерей, доктор церковной истории; профессор Минской духовной академии; член Союза писателей Беларуси.

E-mail: gordej@tut.by

ORCID: 0000-0001-5635-5239

Priest Gordey Shcheglov

Xenophon Govorsky: on the way to publishing "The Bulletin of Western Russia"

Abstract. Until today, the personality of Xenophon Antonovich Govorsky (1811–1871), the well-known publisher of the socio-political journal "The Bulletin of Western Russia" (1862–1871), has been evaluated and is being evaluated by researchers in different ways. Some paint his image with dark colors, others, on the contrary, extol him, and all this depends on ideological predilections. However, these assessments relate primarily to the activities of K. A. Govorsky as editor-publisher of "The Bulletin". It is important to note that his biography has not yet been written. This publication presents an attempt to reconstruct the life of K. A. Govorsky and how the idea of publishing a journal matured and how it was founded. The study was written mainly on the basis of numerous archival sources, most of the information from which is introduced into scientific circulation for the first time. It should be noted that the publication presents the period of K. A. Govorsky's life before the publication of the «The Bulletin», chronologically spanning half a century.

Keywords: K. A. Govorsky, Archbishop Vasily (Luzhinskiy), Orthodox Church, Holy Governing Synod, union, archeography, Western Russianism, "The Bulletin of Western Russia", Belarus.

For citation: Shcheglov G. E. Xenophon Govorsky: on the way to publishing "The Bulletin of Western Russia". *XPONOS. Church-historical almanac*, 2022, no. 10, pp. 50–103.

About author: *Shcheglov Gordey Eduardovich* – Priest, Doctor of Church History; Professor of the Minsk Theological Academy; Member of the Writers' Union of Belarus. E-mail: gordej@tut.by
ORCID: 0000-0001-5635-5239

Нередко оценивая дела и поступки того или иного человека, мы мало задумываемся или вовсе не задумываемся о мотивах, которые им двигали. От этого наши суждения бывают поверхностны и зачастую крайне субъективны. Мир внутренних мотивов человека очень сложный, часто противоречивый, а иногда и вовсе не подвластный воле. Поэтому не следует делать поспешные выводы или «навешивать ярлыки», руководствуясь сиюминутными впечатлениями или сложившимися стереотипами. Особенно важно это в отношении оценок деятельности исторических личностей, действовавших на общественном поприще в определенную эпоху и в определенной среде.

Вместе с тем человеку не всегда удается правильно реализовать свои замыслы. Жизнь порой вынуждает его действовать не сообразно первоначальной задумке, а заставляет подчиняться силе складывающихся обстоятельств, часто неблагоприятных и даже разрушительных. Оттого результат дела не всегда соответствует первичному замыслу, а порой вообще удаляется от него. Но судят обычно по результату. И может складываться о деятеле впечатление негативное, хотя мотивы его были вполне симпатичные. Эти первичные впечатления и оценки современников впоследствии нередко мешают объективно взглянуть на историческую личность. И возникает вопрос, что делать, когда «оценки» вроде бы даны и «ярлыки» навешены? Ответ очевиден: следует разбираться.

Все сказанное выше в полной мере можно отнести к личности Ксенофонта Антоновича Говорского (1811–1871), известного в свое время издателя общественно-политического журнала «Вестник Западной России». Причем известного больше с негативной стороны. Хотя вся деятельность издания была направлена на отстаивание интересов Православия и русской народности в Западном крае, тем не менее журнал Говорского, по выражению современника, «на деле стал одним из таких друзей, которые бывают хуже врагов»¹. Однако сразу следует оговориться, что личность Говорского неоднозначная, сложная, в чем-то противоречивая, со своими положительными и отрицательными сторонами. Заметим, что «дурную» славу Говорский приобрел себе именно как редактор-издатель. Но была до этого другая, менее приметная, но не менее примечательная жизнь. Именно ей и посвящено наше исследование. А охватывает этот период целых полстолетия.

¹ Пыпин, А. Н. История русской этнографии : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. IV : Белоруссия и Сибирь. – С. 91.

1. Полоцкий период (1811–1856)

Ксенофонт Антонович Говорский родился в 1811 г. в семье белорусского униатского священника. В крещении он был назван, по его собственному свидетельству, именем Ксенофонт, в честь святого, память которого совершается Православной Церковью 26 января². Однако тяготевшая над униатами латинская традиция заставила его отца записать младенца в метрических книгах с именем Ильдефонс³, в честь католического святого – архиепископа Толедского, память которого отмечается 23 января.

В то время было не редкостью, когда униатские священники женатые на католичках, разрешали женам крестить своих детей в костелах и воспитывать в римо-католической вере. Происходило это оттого, что в подавляющем большинстве униатское духовенство, получая образование в католических школах, со стыдом относилось к своей вере и своему сословию. Возможно, именно это и побуждало Говорского-отца скрывать собственные симпатии к восточной традиции, а вместе с тем скрыть и настоящее имя своего сына.

Кстати, то, что родители дали новорожденному имена в честь «январских» святых, говорит скорее всего о том, что Ксенофонт-Ильдефонс Говорский родился в январе.

О месте его рождения мнения расходятся. В современных публикациях, как правило, указывается, что он родился в Киеве (?). Исследовательница С. М. Сороко считает, что он уроженец Витебщины⁴. Поэтому нередко вместе с Киевом в скобках указывается и этот вариант. Однако ни то ни другое предположения неверны. Согласно документам, приход, где родился Говорский, входил в состав Литовской епархии⁵, а это Виленская и Гродненская губернии. Затем отец Говорского служил в Полоцкой епархии, а в конце жизни – в Минской⁶.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 120. Д. 1508. Л. 1.

³ Ильдефонс (Хильдефонс) – старинное германское имя вестготского происхождения. Состоит из двух основ: *хильд* – битва, сражение, состязание и *фонс* – дерзаящий, отважный, быстрый, ловкий.

⁴ Сороко, С. М. Ксенофонт Говорский в «Витебских губернских ведомостях» / С. М. Сороко // Проблемы истории литературы. – Москва, 2001. – Вып. 13. – С. 188.

⁵ РГИА. – Ф. 796. Оп. 120. Д. 1508. Л. 2.

⁶ РГИА. – Ф. 796. Оп. 135. Д. 171. Л. 2.

Духовное образование Ильдефонс Говорский начал в Полоцке в Белорусской греко-униатской семинарии. Можно предположить, что был он из небогатой семьи, поскольку состоятельные униатские священники предпочитали отдавать сыновей в светские гимназии, где обучение было поставлено гораздо лучше, чем в униатских семинариях, за исключением лишь Главной семинарии при Виленском университете.

В 1828 г. Ильдефонс перевелся в новооткрытую Литовскую униатскую семинарию, расположившуюся первоначально в местечке Жировичи Слонимского уезда Гродненской губернии.

Устроена Литовская семинария была по образцу Главной виленской семинарии ее бывшими воспитанниками. Располагалась она на территории Жировичского базилианского монастыря. Ввиду того, что монастырский фундуш был отдан на содержание семинарии, часть монастырской братии перешла в Бытенский униатский монастырь, и только десять монахов осталось в качестве причта Жировичского кафедрального собора. Особенностью новой семинарии было то, что в ней начало вводиться преподавание на русском языке, в отличие от других униатских семинарий, где преподавание велось на языке польском. Первым ректором семинарии стал соборный протоиерей Антоний Зубко (будущий архиепископ), а преподавателями были такие личности, как священник Михаил Голубович (будущий архиепископ), протоиерей Плакид Янковский, священник Иоанн Желязовский, священник Иосиф Елиашевич и др.

Из поступающих в то время в семинарию учеников практически никто не знал русского языка, да и сами преподаватели в подавляющем большинстве говорили по-польски. Поэтому в первые годы существования семинарии преподавание велось на польском или латинском языках. На русском языке изучали только всеобщую и русскую историю, которую преподавал ректор. Меж тем Греко-униатская коллегия, управлявшая в то время делами униатов, указом от 18 октября 1828 г. обращала серьезное внимание семинарского правления на обязательное введение к нач. 1829 г. преподавания предметов на русском языке. С этой целью из Петербурга были выписаны соответствующие учебники, после чего и сами преподаватели принялись за изучение русского.

Благодаря замечательному преподавательскому составу в семинарии вырабатывался и созревал независимый от польско-иезуитской схоластики взгляд на жизнь, Русь и Польшу, на Православие,

римский католицизм и унию. Эти взгляды передавались воспитанникам, так что в итоге семинария готовила священников, которым было близко учение Православной Церкви.

Одновременно с учреждением средних и низших учебных заведений для униатского духовенства правительство решило учредить и высшее учебное заведение, вместо Главной виленской семинарии, для подготовки наставников для униатских семинарий и училищ. Местом для предполагаемой академии был назначен Полоцк. Однако открытие академии замедлилось из-за отсутствия достаточного числа лиц для занятия в ней профессорских должностей, а также недостатка средств на ее содержание. Вследствие этого Греко-униатская коллегия за неимением в своем ведомстве высшего духовного учебного заведения испросила позволения, до открытия академии в Полоцке посылать своих воспитанников в Санкт-Петербургскую духовную академию. При этом коллегия рассчитывала, что посылаемые в Петербург выпускники униатских семинарий смогут основательно изучить русский язык, что со временем позволит обойтись исключительно своими силами при замещении вакансий преподавателей русского языка и словесности, чего до этого времени сделать было невозможно. После получения высочайшего соизволения, коллегия стала перед выбором – оправить своих воспитанников в Московскую духовную академию к открытию в ней в августе 1830 г. нового курса или дожидаться августа 1831 г., когда откроется новый курс в Санкт-Петербургской духовной академии. Наборы в академии в то время осуществлялись раз в два года.

Чтобы дать воспитанникам, посылаемым в духовную академию, больше времени на подготовку к поступлению и особенно усовершенствованию в русском языке, коллегия решила направить их в 1831 г. в столичную академию, а до этого отправить в Санкт-Петербургский университет.

Еще до отправления в 1830 г. в Петербург выпускников из Литовской семинарии Преосвященный Иосиф (Семашко) писал ректору протоиерею Антонию Зубко: «Не к чести вашей семинарии будет, если у вас не окажется подготовленных воспитанников»⁷. Однако в молодой семинарии нашлись два воспитанника достойные быть посланными в университет и затем в академию. Это были ученики первого выпуска – Ильдефонс Говорский, окончивший семи-

⁷ Цит. по: Извеков Николай, священник. История Литовской Духовной Семинарии / священник Николай Извеков. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1892. – С. 74.

нарский курс первым в разрядном списке успеваемости, и Филекс Лукашевич. Перед отправлением они были посвящены в степень чтецов. Кроме того, семинария, посылая своих питомцев в столицу, снабдила их вещами. Каждому выдали: сюртук с панталонами, чемарку⁸, камзол, халат, три рубашки, двое кальсон, простыню, полотно, две пары сапог и еще по 185 руб. 76 коп. ассигнациями⁹.

В августе они уже были приняты в университет.

Вместе с Говорским и Лукашевичем на первый курс университета в качестве кандидатов для поступления в столичную духовную академию были зачислены также два выпускника Полоцкой униатской семинарии – Василевский и Иван Слиборский. За содержание всех их Греко-униатская духовная коллегия, согласно предписанию главноуправляющего делами иностранных исповеданий графа Д. Н. Блудова, обязывалась внести в правление университета за каждого по 500 руб. в год и одновременно «на первоначальное обзаведение» по 200 руб.¹⁰ Сумма была приличная, требовавшая в свою очередь большой ответственности и от пансионеров.

Какие именно предметы слушали в университете студенты-униаты, выяснить не удалось. Но очевидно одно: усиленно изучался русский язык. Спустя год все четверо были приняты в духовную академию. В сентябре 1831 г. эконо́м университета подал рапорт в университетское правление, в котором сообщал, что пансионерам Греко-униатской коллегии Лукашевичу, Василевскому, Слиборскому и Говорскому при поступлении их в университет было сшито «комнатное платье на год, выходное на полтора» и шинели на три года. «А так как пансионеры сии ныне из университета увольняются, – замечал эконо́м, – пробывши здесь только год, следовательно, они выходного платья не доносили еще полгода, а шинели двух лет». Ввиду этого он спрашивал правление: «Отпустить ли с ними при выходе их из Университета выходное платье и шинели, или оныя от них отобрать?»¹¹. Правление ответило, что, так как платье указанным студентам «построено было на их счет», то и следует «оставить оное при них»¹².

⁸ Чемарка – старинная одежда типа сюртука или казакина.

⁹ Извеков Николай, священник. История Литовской Духовной Семинарии. С. 113.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 6. Д. 615. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же.

Вместе с тем, после того как направленные в Петербург воспитанники оказались способными слушать лекции в православной духовной академии, Греко-униатская коллегия признала уже ненужным открывать особую академию для униатов в Полоцке. Тем более что епископ Иосиф (Семашко), один из влиятельнейших в то время деятелей Униатской Церкви, не сочувственно относился к мысли об устройстве специальной униатской академии.

Следует отметить, что во время учебы в академии Говорский и Лукашевич заметно отставали в успеваемости от своих сокурсников. Очевидно, все же сказывалось недостаточное знание русского языка, да и подготовка в униатской семинарии была слабее, не вполне соответствуя уровню русских духовных семинарий.

В 1835 г. после окончания академического курса Ильдефонс Говорский был направлен в Полоцк в Белорусскую греко-униатскую семинарию учителем библейской истории и еврейского языка¹³. В том же году 10 октября академическая конференция возвела его в степень кандидата богословия, присвоенную за сочинение «О древней иудейской синагоге». Вместе с Говорским в Белорусскую греко-униатскую семинарию учителем был направлен и его школьный товарищ Феликс Лукашевич.

Полоцк в то время являлся кафедральным городом обширнейшей Белорусской униатской епархии, образованной в 1828 г. одновременно с Литовской, вместо бывших четырех униатских епархий. Белорусская епархия находилась в подчинении митрополита Иосафата (Булгака), проживавшего в Петербурге, поэтому ей фактически управлял викарный епископ Василий (Лужинский).

Какова же была обстановка в Белорусской семинарии, когда в ней начал педагогическую деятельность Говорский? Вот что писал о семинарии в марте 1834 г. Полоцкий православный епископ Смарагд (Крыжановский) обер-прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву: «Порядок, заведенный иезуитами, не изменяется: мысли и чувствования, укорененные ими, не истребляются. Внутреннее состояние семинарии самое жалкое. Здесь воспитываются не единоплеменные сыны отечества, по крайней мере, не единомышленники Восточной Церкви. Как судить о таком инспекторе, который с ректором-фанатиком действует за одно к отвращению юношества от Российской Церкви, не скажу от России, хотя-то Российская Цер-

¹³ Указанные должности К. А. Говорский исполнял с 1 сентября 1835 г.

ковь и Россия во устах и сердцах здешних единоверцев суть слова совершенно тождественные»¹⁴. В том же письме Преосвященный Смарагд так характеризовал наставников семинарии: «Все наставники, воспитанные в Виленской главной семинарии не могли приобрести беспристрастного образа мыслей; с суеверною почти привязанностью к католицизму им внушено глубочайшее презрение ко всем прочим вероисповеданиям, не исключая и греческого благочестия, которое они презрительно величают схизмою. С особенным фанатизмом упорствуют намерениям правительства, кроме ректора Шелепина и инспектора Томковида, проф[ессор] Обух с пристрастием к Польше и невежеством касательно России совмещающий достойное невежества презрение ко всему русскому; иеромонахи Зенкевич и Копецкий, замечательные по пристрастию к католицизму, по польской хвастливости и по неуважению к православному исповеданию. Прочие учителя также слишком привержены к католицизму, чтобы можно было ожидать от них содействия целям правительства; некоторые же из них по неблагонамеренной переписке сделались известными и губернскому гражданскому начальству. Не только действия светского начальства и православного духовенства касательно сближения униатов с православными они сопровождают буйными порицаниями, но и самые определения Гр[еко-]униатской коллегии принимают с наглым неуважением и не отказываются нагло сопротивляться им. Замечание сие не касается только эконома семинарии свящ[енника] И. Сченсновича и профессоров К. Игнатовича и Игн. Коссовича...»¹⁵.

В латинствовавшей семинарской корпорации был совсем одиноким русский православный профессор истории и словесности, магистр Санкт-Петербургской духовной академии Арсений Сковрцов.

Того же духа, что и основная часть преподавателей, были учащиеся семинарии. Профессор Сковрцов в 1834 г. рассказывал епископу Смарагду, как однажды во время урока он высказал мысль о том, что Полоцкая земля издревле принадлежала России и ее население исповедовало Православие. Урок этот был принят воспитанниками с возмущением, а ректор обвинил Сковрцова в насилии над совестью учащихся. Нередко семинаристы вымарывали в учебных посо-

¹⁴ Цит. по: Шавельский Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с Православною Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Георгий Шавельский. – СПб. : Тип. «Сельского Вестника», 1910. – С. 158.

¹⁵ Там же.

биях те места, где говорилось о беспорядках в Западной Церкви, а некоторые даже отказывались слушать уроки, на которых преподавались исторические сведения, не сходные с их представлениями о католичестве. В катехизисе митрополита Филарета (Дроздова) место, где был напечатан евангельский текст: «Дух истины иже от Отца исходит» (Ин. 15:26), семинаристы почти везде дописывали прибавку «и от Сына». По словам Преосвященного Смарагда, в воспитанниках семинарии было сильно развито нерасположение ко всему русскому и православному. Себя они называли «поляками», а всякого русского и православного «москалем и схизматиком»¹⁶.

Однако накануне прибытия Говорского в семинарию в строе ее жизни произошли значительные перемены. В мае 1834 г. семинарию посетил с ревизией Литовский епископ Иосиф (Семашко). Результатом этой ревизии стало то, что в Белорусской семинарии было отменено на несколько лет преподавание польского языка, введено употребление русского языка во время проповеди в кафедральном соборе, считавшимся семинарским храмом, отменено ежедневное слушание воспитанниками «читанной мши», с тем чтобы они все воскресные и праздничные дни были у Божественной литургии и сами пели, а платье польского фасона заменено сюртуками и халатами¹⁷.

Большинство преподавателей семинарии являлись выпускниками высшей Виленской греко-униатской семинарии. Только на преподавание русской гражданской истории и русской словесности назначались выпускники православных духовных академий. С 1835 г. преподавательские должности стали постепенно замещать выпускниками Санкт-Петербургской духовной академии – уроженцами края¹⁸.

Что касается материального обеспечения наставников Полоцкой духовной семинарии в описываемое время, то нужно сказать, что было оно достаточно скудным. Хотя ситуация со временем улучшилась, тем не менее преподаватели вынуждены были искать возможность дополнительного заработка. Так Ильдефонс Говорский в 1838 г. сумел получить разрешение семинарского правления на

¹⁶ Там же. С. 161.

¹⁷ Там же. С. 162–163.

¹⁸ Богородский, Н. Н. Историческая записка о состоянии Витебской духовной семинарии за минувшее столетие ее существования (февраль 1807 – февраль 1907) / Н. Н. Богородский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 6. – С. 224–225.

преподавание истории и географии в Полоцком дворянском училище. Впрочем, даже несмотря на дополнительные доходы, семьи преподавателей жили бедно¹⁹.

Как правило, каждый преподаватель вел в семинарии несколько предметов. В дальнейшем мы будем видеть, как увеличивалась и менялась учебная нагрузка Говорского. Надо полагать, что его появление в преподавательской корпорации, человека, искренне убежденного в истинности Православия, усилило православную партию и дало в распоряжение епископа Василия еще одного идейного работника. А, как известно, не все преподаватели поддерживали идею воссоединения униатов с Православной Церковью, и некоторые даже были уволены за это из семинарии. Протоиерей Георгий Шавельский, подробно изучавший историю воссоединения униатов Белорусской епархии, ничего не пишет о Говорском в качестве помощника Преосвященного в деле воссоединения. Тем не менее, надо думать, роль его как преподавателя семинарии не была пассивной в этом вопросе. Из его писем видно, что он не был безучастным наблюдателем, а принимал участие в подготовке умов к воссоединению. Возможно Лужинский, в силу своего дворянского происхождения в некоторой мере пренебрежительно относившийся к людям незнатного происхождения, не обратил внимания на нового преподавателя. Но думается, что, покидая духовную академию, Говорский, направляемый в качестве преподавателя униатской семинарии в Полоцк, имел беседу с кем-то из лиц, близко стоящих к делу подготовки воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью.

1 сентября 1836 г. Говорскому было поручено преподавать дополнительно церковное красноречие (по 1 сентября 1838 г.). Тогда же он был определен и библиотекарем семинарии²⁰. Следует отметить, что этот год ознаменовался для Ильдефонса Антоновича женитьбой. Его избранницей стала Юдифь Францевна Родзевская²¹, принадлежавшая к шляхетскому роду, и по вероисповеданию католичка. Молодая супруга вовсе не говорила по-русски и впоследствии так его и не освоила. Поэтому в семье Говорских в быту всегда царил польский язык. И это было типично для униатских духовных семейств.

¹⁹ Там же. С. 245–246.

²⁰ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 6 об. – 7.

²¹ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изд. под ред. Созонова. – Витебск, 1895. – Вып. 26. – С. 446.

В конце мая 1837 г. Белорусскую семинарию с ревизией посетил епископ Иосиф (Семашко). Вот как он оценивал преподавательский уровень Говорского: «довольно с посредственными успехами – он еще слаб»²². В том же году инспектор семинарии протоиерей Фома Малишевский и учителя Иван Слиборский, Андрей Копачинский и Ильдефонс Говорский составили устав для женского духовного училища с четырехлетним курсом, прося архиепископа Василия ходатайствовать об открытии девичьего пансиона при монастыре Полоцких базилианок. Учебный курс включал следующие предметы: катехизис, священную историю, русскую историю, русский и французский языки, географию, арифметику, чистописание и рисование. При этом составители проекта обязывались преподавать на русском языке, причем добавляли, что считают своим священным долгом «внушать в нежные сердца воспитанниц любовь к своему греческому вероисповеданию и истинную приверженность к престолу». Преосвященный Василий с воодушевлением отозвался на предложение, но его ходатайство об открытии пансиона и отпуске средств хотя бы на содержание десяти девиц было отклонено Греко-униатской коллегией со ссылкой на отсутствие средств.

Забегая вперед, скажем, что задуманное удалось осуществить позже, при возрожденном Спасо-Евфросиниевском монастыре. В 1843 г. по поручению архиепископа Василия из числа монахинь новой обители были выбраны способные для преподавания наук сообразно правилам, изложенным в Высочайшем указе об учреждении образцового училища для девиц духовного звания в Санкт-Петербурге. Когда таковые нашлись, 17 июля 1844 г. состоялось открытие училища и начато обучение 13 воспитанниц. Спустя год здесь обучалась уже 21 девица. Но тесное монастырское здание не вмещало всех желавших получить образование. Тогда на собранные архиепископом Василием пожертвования был выстроен для училища дом. Синод же назначил ежегодную субсидию в 500 руб. Таким образом было положено начало дальнейшему развитию училищной жизни при Спасской обители²³. Говорский некоторое время будет преподавать в училище, но об этом ниже.

²² Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора : в 3 т. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – С. 44.

²³ Шавельский Георгий, протоиерей. К истории Полоцкого женского Евфросиньевского монастыря / протоиерей Георгий Шавельский // Прибавления к Церковным ведомостям. – 1910. – № 18. – С. 774–775.

С 1 сентября 1838 г. Говорский по поручению начальства преподавал в низшем отделении семинарии всеобщую гражданскую историю и историю Российского государства (по 1 сентября 1841 г.)²⁴.

В ближайшие годы в местной церковной и епархиальной жизни произошли большие перемены. В феврале 1838 г. скончался митрополит Иосафат (Булгак) и правящим архиереем Белорусского архиепископства был назначен епископ Василий (Лужинский). Но эпохальным событием стало проведение в Полоцке 12 февраля 1839 г. Церковного Собора униатской иерархии, на котором совершилось великое дело воссоединения белорусско-литовских униатов с Православной Церковью. Если говорить о Говорском, то он принял свершившийся акт с великим воодушевлением, поскольку уже давно не сомневался в истинности Православия. А вот супруга его до конца жизни оставалась убежденной католичкой.

Осенью 1839 г. Говорский обратился к Полоцкому епископу Василию с прошением о перемене своего «несвойственного православному исповеданию» имени Ильдефонс на имя Ксенофонт, которое ему было дано родителями при рождении. Он просил архиерея, во избежание в будущем возможных недоразумений, распорядиться сделать отметки о таковой перемене в метрических книгах и «других о нем актах». Благословив просителя именоваться Ксенофонтом, Преосвященный уведомил об этом правление Белорусской семинарии и Белорусскую консисторию «именовать отныне его сим именем, как в общежитии, так в послужных списках и других официальных о нем актах». Кроме того, консистории было поручено снести по месту рождения Говорского с Литовской духовной консисторией «об учинении со стороны оной надлежащих о сем отметок в метрических книгах и других свидетельствах». Затем архиепископ Василий уведомил об этом Святейший Синод, прося сделать зависящее от него распоряжение о подобной же отметке по случаю переименования Говорского и в Санкт-Петербургской духовной академии, в которой он проходил курс учения²⁵.

Тем временем произошло слияние древлеправославной Полоцкой епархии и воссоединенной Белорусской архиепископии в одну Полоцко-Витебскую епархию, которую возглавил епископ Василий (Лужинский), возведенный в апреле 1841 г. в сан архиепископа. Вскоре после преобразования епархии ее управление было перене-

²⁴ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 7 об. – 8.

²⁵ РГИА. – Ф. 796. Оп. 120. Д. 1508. Л. 1–2.

сено в Витебск. В 1840 г. переименованию подверглась и Белорусская греко-униатская семинария, получившая официальное название – Полоцкая духовная семинария.

1 сентября 1841 г. Говорский был освобожден от преподавания еврейского языка в среднем и низшем отделениях семинарии и определен только учителем библейской и церковной истории и канонического права. 8 декабря того же года он был уволен из духовного звания в светское и произведен в чин титулярного советника со старшинством с 10 октября 1837 г. 10 октября 1843 г. он получил чин коллежского асессора. 6 сентября 1846 г. за оказанное в 1845/46 уч. г. усердное прохождение своих обязанностей удостоен благословения Святейшего Синода²⁶.

Следует отметить, что Говорский, будучи человеком, искренне убежденным в истинности Православия, с такой же искренностью передавал свое убеждение и воспитанникам Полоцкой семинарии, в большинстве своем выходцев из бывших униатских семей. Не секрет, что не все униаты, в том числе и духовенство, одинаково приняли факт перехода в Православие. Оставалось и тайное недовольство, и тайное «воздыхание» об унии. Для многих сознание того, что они униаты, было настолько привычным, что от этой привычки непросто было освободиться. Преподавание в семинарии давало Говорскому удобный случай «развивать в сердцах юных питомцев, сделавшихся потом пастырями Церкви, дух истинно русский и православный и давать их умам направление самое возжеленное»²⁷. И действительно, новое поколение пастырей заметно отличалось от старого, бывшего униатского духовенства, в чем бесспорно была и личная заслуга Говорского.

Но не только воспитанников семинарии удавалось утверждать в истинности православной веры. Примечательна история с обращением из католичества в Православие дяди супруги Говорского – помещика Матвея Любенского, владельца имения Ухвище Лепельского уезда. Изменить вероисповедание он решился под влиянием Ксенофонта Антоновича. Причем чин перевода в Православие состоялся в семинарской церкви, после чего Любенский пожертвовал значительную сумму на семинарскую библиотеку²⁸.

²⁶ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 7 об. – 9.

²⁷ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. II ст. Д. 89. Л. 1 об.

²⁸ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изд. под ред. Созонова. – Витебск, 1895. – Вып. 26. – С. 445.

10 октября 1846 г. Говорский был произведен в чин надворного советника, а спустя ровно три года – в чин коллежского советника. 1 сентября 1850 г. он получил назначение на должность преподавателя черчения и рисования в низшем отделении семинарии, причем на безвозмездной основе. Он действительно имел кое-какие способности и навыки к рисованию. А вскоре епархиальное начальство привлекло Говорского к работе по составлению историко-статистического описания Полоцкой епархии, делу новому и весьма важному для Русской Православной Церкви. Именно с этого времени, по сути, и начинается его научно-литературная деятельность, а вслед за ней и общественная.

В 1850 г. Духовно-учебное управление при Святейшем Синоде инициировало перед высшим духовным начальством вопрос о желательности составления историко-статистических описаний всех епархий Русской Православной Церкви. Возложить это дело предполагалось за определенное вознаграждение на преподавателей местных духовных академий и семинарий, а также лиц духовного ведомства, имеющих интерес к историческим исследованиям. На основании составленных описаний планировалось подготовить специальный курс истории Русской Церкви.

Для составления историко-статистических описаний Духовно-учебное управление разработало специальную программу, которая в октябре 1850 г. вместе с синодальным определением была разослана всем правящим архиереям. Описание должно было включать восемь разделов: 1) начало и распространение христианской религии в пределах епархии; 2) время учреждения епархии; 3) жизнеописания епархиальных архиереев; 4) описание монастырей (с данными о хранящихся в них древних рукописях); 5) описание соборных, приходских, домовых и других церквей с указанием на замечательнейшие из них; 6) сведения о святых угодниках с приложением полных списков их житий; 7) сведения о святых чудотворных, явленных или замечательных по древности иконах с приложением сказаний о них; 8) описание благочестивых обычаев, существующих в епархии (особые посты, крестные ходы, путешествия для поклонения святым угодникам)²⁹. Согласно определению, архиереи должны были ежегодно присылать в Святейший Синод рапорты с отчетом о ходе работы по описанию своих епархий.

²⁹ Раздорский, А. И. Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива / А. И. Раздорский // Археографический ежегодник за 2002. – М. : Наука, 2004 – С. 117.

Получив синодальное определение, Полоцкий архиепископ Василий сразу же сделал соответствующие распоряжения, назначив лиц для составления историко-статистического описания Полоцкой епархии. Непосредственно составление описания было возложено на ректора Полоцкой духовной семинарии архимандрита Павла (Доброхотова) и ее профессоров: магистра Константина Квятковского и кандидата Ксенофонта Говорского. Преосвященный распределил между ними предметы исследования согласно присланной программе следующим образом: ректору поручалось разрабатывать темы, изложенные в пунктах 1, 4, 6 и 7, Квятковскому – в пунктах 5, 7 и 8, Говорскому – в пунктах 2 и 3 (время учреждения епархии и жизнеописания епархиальных архиереев).

Кроме того, архиепископ Василий считал необходимым для большего успеха дела назначить указанным лицам в помощь сотрудников из всех должностных лиц епархиального ведомства. Через Полоцкую духовную консисторию он распорядился обязать всех настоятелей мужских монастырей и духовников женских монастырей «с особой заботливостью» рассмотреть все акты и документы, имеющиеся в монастырских архивах и библиотеках, и сообщить необходимые сведения для составления описания, порученного ректору семинарии архимандриту Павлу. Протоиереи городских соборов и благочинные приходских церквей должны были рассмотреть акты и документы, имеющиеся в соборных, благочиннических и церковных архивах, и собрать «с неутомительною деятельностью все нужные для церковно-исторического и статистического описания епархии сведения» о соборах и церквях, о чудотворных иконах, о благочестивых обычаях и установлениях. О результате своих «открытий» они должны были доносить профессору К. Квятковскому с приложением подлинных актов о соборах и церквях, сказаний и записей о чудотворных иконах.

Кроме того, лицам, постоянно проживающим в епархиальном городе Витебске: протоиерею Иадору Голембиовскому, протоиерею Иосифу Васютровичу, священнику Иакову Глыбовскому, священнику при кафедральном соборе Афанасию Володуцкому, священнику Заручевско-Воскресенской церкви Василию Покровскому и архивариусу Полоцкой консистории Александру Ляхтановичу, поручалось пересмотреть акты и документы консисторского архива, выбрав из них необходимые сведения для составляемого описания. Также в Полоцкой консистории хранились все дела старой Куриальной

канцелярии и бывших Полоцких униатских архиепископов, из которых многие были и митрополитами. Предполагалось, что эти дела могли содержать важные акты и документы, относящиеся ко времени учреждения Полоцкой епархии, местной иерархии, «к событиям и переворотам», начиная со времени завоевания Полоцка и Витебского княжества польским королем Стефаном Баторием. Рассмотрение этих дел и собирание из них сведений необходимых для описания епархии было возложено на соборных протоиереев Иоанна Щенсновича³⁰, Константина Игнатовича, Стефана Клодницкого и на ректора Витебских духовных училищ архимандрита Сергия, с поручением последнему избрать себе в помощь одного из наставников училищ, знающего польский язык³¹.

Всех лиц, призванных к работе по собиранию сведений и составлению историко-статистического описания Полоцкой епархии архиепископ Василий обязал «отнюдь не ограничиваться обзором некоторых только актов и документов, но подвергать внимательному рассмотрению все, какие только могут быть открыты». В конце каждого года они обязаны были докладывать ему о результатах, которые он мог бы пересылать в Святейший Синод. Кроме того, Преосвященный обнадежил работников, что их труды «не будут оставлены от Высшего начальства без должного внимания».

Несмотря на то, что к работе по составлению историко-статистического описания Полоцкой епархии был привлечен целый ряд ответственных лиц, его главным, а вскоре и единственным составителем стал К. А. Говорский. Проявивший себя, таким образом, как человек ответственный, способный, деятельный, понимавший важность этого дела и за него переживавший.

К августу 1851 г. Говорский доложил архиепископу Василию о проделанной работе. Начал он ее с того, что пересмотрел все печатные книги, находившиеся в библиотеках семинарской, кадетского корпуса и доминиканского монастыря. Впрочем, для своего исследования он почерпнул оттуда не много. Затем пересмотрел русские и польские летописи, в которых также мало нашел полезного для истории Полоцкой епархии. Меж тем Говорский узнал, что у некоторых полоцких мещан находятся «порядочные собрания» древних

³⁰ В статье «Историко-статистическое описание Полоцкой епархии...» А. И. Раздорский не совсем верно указывает фамилии Голембиовского, Глыбовского, Володущкого и Щенсновича. – Г. Щ.

³¹ РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 2–4.

польских и церковно-славянских рукописей и старопечатных книг, в которых, как он полагал, могут встречаться древние известия, относящиеся к Полоцкому княжеству и воеводству. За помощью он обратился к местному городскому голове, чтобы тот помог ему получить доступ к этим рукописям и книгам. Городской голова согласился оказать содействие, предоставив список мещан, у которых имелись в семейных архивах письменные древности, доставшиеся им по наследству. Уже летом Говорский приступил к ознакомлению с этими документами.

Вместе с тем Говорский в процессе работы убедился, что указанных в распоряжении архиепископа Василия мест возможного нахождения источников далеко недостаточно для работы по составлению описания епархии. Поэтому во время доклада он, между прочим, замечал, что хотя еще и не успел ознакомиться с документами бывшей Куриальной канцелярии, однако предполагает, что содержащиеся в них сведения не смогут послужить «достаточным материалом для жизнеописаний архиереев и для изображения современного состояния их паствы», так как ограничиваются эпохой униатских епископов. То же самое он предполагал и относительно документов и актов, хранящиеся в архиве Полоцкой духовной консистории. Для составления же полноценной истории епархии нужны были сведения и доуниатского периода, восходящие ко времени ее учреждения. Поэтому Говорский считал необходимым выявить еще и другие источники, из которых можно было бы хоть что-то почерпнуть для эпохи православных епископов и для жизнеописания «достопамятнейших из архиереев униатских».

О возможном местонахождении таковых источников и доступа к ним он высказал ряд соображений. По его убеждению, все белорусские помещики до появления в здешнем крае иезуитов были православного вероисповедания. Многие из живущих ныне имели в числе своих предков православных и униатских архиереев, например – Римские, Корсаки, Селлявы, Гребницкие, Лисовские и др. У этих помещиков, по его мнению, должны были сохраняться семейные предания об их предках-иерархах, а в фамильных архивах иметься сказания о их жизни или, по крайней мере, «указания на время их существования». Сюда он также относил родственные грамоты, генеалогические древа, королевские привилеи и другие подобные документы. Говорский указывал, что многие из помещиков-старожилов, подобно полоцким мещанам, любили собирать рукописи

и древние печатные сочинения, преимущественно относящиеся к истории Полоцка, «сочинения весьма редкие в общественных библиотеках, по причине злонамеренного истребления оных иезуитами и другими политическими и религиозными фанатиками».

Далее он отмечал, что в архиве Полоцкого уездного суда и магистрата имеются акты и документы, «восходящие до времени Батория». Из числа таковых «преимущественно драгоценных для истории Полоцкой епархии», он называл королевские привилеи в пользу Полоцкого владыки, монастырей и церквей, а также записи православных помещиков и других лиц на имения и другие угодья в пользу православного духовенства. Говорский сообщал, что в магистрате, как он слышал, находятся рукописи, из которых можно заимствовать сведения о Полоцке времен добаториевых и даже времени преподобной Евфросинии. Кроме того, в Могилевской семинарской библиотеке находились рукописи и книги архиепископа Георгия (Конисского), который, как известно, занимался исследованиями по истории местной Православной Церкви. В архиве же Могилевской духовной консистории, по предположению Говорского, могли иметься акты и документы, относящиеся к Полоцким православным епископам. Кроме того, он предполагал, что подобные документы, причем в большом количестве, могли находиться в архивах и библиотеках Онуфриевского, Оршанского и Мстиславского монастырей³².

Из вышеназванных источников Говорский надеялся почерпнуть «многое и для истории Полоцкой епархии», однако для этого ему необходимо было лично ознакомиться с ними, сделав необходимые выписки. Чтобы получить доступ к указанным источникам, он предложил на рассмотрение архиепископа Василия ряд «средств и мер». Так, Говорский готов был в свободное от учебных занятий время совершить поездки к тем помещикам, у которых окажутся в семейных архивах и библиотеках нужные для исследования документы. Однако считал, что для облегчения доступа к помещикам ему нужно иметь «какой-либо письменный вид», доказывающий, что поездки его имеют исключительно научную цель. Для этого он просил архиепископа снабдить его «таковым видом» или циркулярным письмом ко всем помещикам Витебской губернии с объяснением цели его изысканий и с воззванием к ним «об оказании ему содействия и дозволения из их архивов и библиотек делать, в их же домах, выписки».

³² РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 4–6.

Говорский замечал, что приходские священники, хорошо зная своих прихожан и местных помещиков, могут подсказывать, у кого из них имеются фамильные архивы и древние книги. Кроме того, священники могут «лучшим образом» облегчить ему доступ к помещичьим архивам и библиотекам, «содействуя в поездках его к знакомству с владельцами оных, и снабжая его для поездок по их приходу и к соседственному священнику лошадьми, что не составит для них большого обременения». При этом Говорский надеялся, что редкий помещик, с которым он познакомится, откажет ему в помощи. Он указывал, что во время этих поездок можно будет заниматься собиранием исторических преданий, поверий и тому подобного, а также для семинарских кабинетов, чем он уже давно занимается, древних монет, минералов и вообще всего примечательного по естественной истории и древностям.

Для рассмотрения архивов Полоцкого уездного суда и магистрата Говорский просил Преосвященного исходатайствовать ему разрешение у гражданского начальства, а у могилевского епархиального начальства разрешение на свободный доступ во все архивы и библиотеки Могилевской епархии. Поездку в Могилев он предполагал совершить в каникулярное время, после обозрения архивов и библиотек помещиков, живущих на пути от Полоцка к пределам Могилевской губернии, следовательно, на священнических лошадях. От границы же Могилевской губернии до города Могилева и других мест он готов был проехать на свой счет и своими средствами³³.

Архиепископ Василий просьбу Говорского переслал обер-прокурору графу Н. А. Протасову, который представил ее на рассмотрение Синода. Согласно синодальному определению Полоцкому Преосвященному поручалось договориться с местным гражданским начальством о возможности допуска Говорского к обозрению архивов Полоцкого уездного суда и магистрата для составления из их дел необходимых выписок. Также поручалось списаться с могилевским архиереем относительно того, действительно ли имеются в архивах и библиотеках Могилевской епархии исторические акты, необходимые для описания Полоцкой епархии, и если таковые окажутся, «то не представится ли возможности кому-либо рассмотреть оные и извлечь из них нужные сведения, не командировав для того наставника Говорского». Относительно же просьбы последнего об оказании

³³ Там же. Л. 6–7.

«особого содействия» к открытию для него свободного доступа в домашние архивы и библиотеки помещиков Витебской губернии и ходатайства об «обязании священников снабжать его лошадьми для разъездов по приходам», Синод нашел «таковые домогательства Говорского неуместными и не подлежащими удовлетворению»³⁴. Конечно, это решение Синода не сильно обрадовало последнего, но, тем не менее, у него появлялась возможность расширить источниковую базу, получив доступ к местным городским архивам.

Между тем работа Говорского по сбору материалов для истории епархии приносила свои первые научные плоды. 28 октября 1851 г. в Полоцке прошло торжественное освящение реставрированного Софийского собора. По поводу этого события он написал статью исторического характера, которую отослал для оценки директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К. С. Сербиновичу, состоявшему одновременно членом Главного цензурного управления и членом секретного комитета для наблюдения за действиями духовной цензуры. Почему именно ему решил послать Говорский свой первый литературный труд? Возможно потому, что Сербинович был земляком, или потому, что был известен как знаток истории среди синодальных чиновников. Как бы то ни было, но с этого момента завязывается знакомство Говорского с этим незаурядным человеком, в лице которого он нашел себе на многие годы неизменного покровителя.

Это был действительно незаурядный человек, прекрасно осведомленный в вопросах отечественной истории и церковных делах. Далеко небезразличный к судьбам своей малой родины К. С. Сербинович всегда с теплым вниманием относился к своим соотечественникам. Нередко преподаватели Полоцкой духовной семинарии находили в его лице поддержку и покровительство. В разное время Сербинович оказывал им помощь, испрашивая различные денежные пособия³⁵.

Осенью 1851 г. Говорский был допущен для работы в архив Полоцкого уездного суда и магистрата. Работа его не осталась бесполезной и для самих архивов. Известно, что во время научных занятий в них он составил описи древних актов и документов³⁶.

³⁴ Там же. Л. 10–10 об.

³⁵ В 1858 г. он выхлопотал для преподавателей Полоцкой семинарии значительное прибавление к квартирному пособию.

³⁶ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29891. Л. 3 об.

Вместе с тем с 1851 г. начинаются контакты К. А. Говорского с Императорским археологическим обществом. Во время ознакомления с семейными архивами полоцких мещан он обнаружил у одного из местных евреев, некоего Лейбе, старинный астрономо-астрологический прибор XV в. Говорский убедил владельца передать эту уникальную вещь в археологическое общество, взявшись со своей стороны доставить ее туда в полной сохранности. Для передачи этого редчайшего предмета Говорский воспользовался своим новым знакомством с обер-прокурором 2-го департамента Сената Д. Н. Замятниным, проводившим в это время ревизию судебных мест Витебской губернии. Знакомство их произошло во время занятий Говорского в архивах Полоцкого уездного суда и магистрата. Узнав об ученых изысканиях семинарского учителя, сенатский чиновник одобрил его усердие и, видимо, расположившись к Говорскому, предложил свое действие на будущее время в случае какой-либо нужды.

В это же время Говорский стал причастен к одному религиозно-политическому скандалу, а вернее, сделался его инициатором.

В конце декабря во время научных занятий он узнал от письмоводителя полоцкого доминиканского монастыря Иодко, что в монастырь от митрополита римо-католических церквей поступило предписание доставить затребованные Папой сведения относительно находящихся там мощей Андрея Боболи³⁷ с целью его канонизации. Сведения эти, по словам Иодки, были уже отосланы митрополиту вместе с копией какой-то доставшейся доминиканам от бывших полоцких иезуитов рукописной книги, в которой описывалось происхождение мощей Боболи и бывшие будто бы от них чудеса.

Обеспокоенный этим известием Говорский в январе 1852 г. подал об этом рапорт архиепископу Василию, который в свою очередь уведомил местного генерал-губернатора князя А. М. Голицина. В результате в Полоцк был послан опытный чиновник – адъютант генерал-губернатора Селехов, со стряпчим и городничим. Началось расследование.

³⁷ Боболя (Боболи, Боболий) Андрей – монах ордена иезуитов. Родился в 1591 г. В орден вступил в 1611 г. Особенно отличился своей религиозной деятельностью в Бобруйске и Пинске. Во время казацких войн в 1657 г. был схвачен казаками, которые предали его мучительной смерти в м. Яновичи близ Пинска. Тело его было сперва похоронено в Пинске, а в 1808 г. перенесено в Полоцк. Папа Пий IX возвел его в 1853 г. в ранг блаженных, а в 1938 г. Боболя был причислен к святым Римо-Католической Церкви. Католики называют его апостолом Полесья.

Что же так беспокоило Говорского и губернское начальство? В первую очередь, то обстоятельство, что ксендзы использовали находившиеся в костеле полоцкого упраздненного доминиканского монастыря останки иезуита Андрея Боболя для привлечения к себе бывших униатов. Сведения о том, кто был этот Боболь, архиепископ Василий поручил разуть Говорскому, поскольку он занимался историей края. Печатные сведения нашлись только в иезуитском календаре за 1740 г., изданном в Вильно. Да и это жизнеописание Говорский посчитал во многом вымышленным, поскольку в нем не имелось ни единой ссылки на документы. По данным календаря, Андрей Боболь был поляком. Сперва он состоял настоятелем в Бобруйске, затем пинским миссионером. В 1657 г. его изуродовали, а после обезглавили казаки в местечке Янове, откуда тело его было перенесено в Пинский иезуитский монастырь. Эти сведения и передал Говорский архиепископу Василию. Сам же Преосвященный, по собственному свидетельству, неоднократно слышал от митрополита греко-униатских церквей Иосафата (Булгака), что Андрей Боболь был русский православный священник, служивший в Пинском уезде Минской губернии. Там и были найдены его останки с неистлелыми еще поручами и епитрахилью из золотой парчи. В митрополичьем архиве имелись тому верные доказательства, на основании которых даже думали отобрать у иезуитов эти останки, перевезенные в Полоцкий иезуитский костел³⁸.

Каким же образом останки Боболя оказались в Полоцке? В нач. XIX в. Пинский иезуитский монастырь был преобразован в православный Богоявленский монастырь, и тело Боболя оказалось под спудом православной Богоявленской церкви. Иезуиты, видимо, были недовольны, что останки почитаемого ими собрата находятся в храме, принадлежащем православным, против которых при жизни Боболя так ревностно подвизался. Тогда в 1807 г. генерал иезуитского ордена Фаддей Бржозовский обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о разрешении перенести останки Боболя в Полоцк «только для погребения под церковью». Разрешение было получено, при этом перенесение должно было проходить под покровом ночи и без всякой публичной процессии³⁹. 12 января 1808 г. представитель

³⁸ Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского († 13 октября 1896 г.): в 9 т. – Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1901. – Т. 3: (1862–1867 гг.). – С. 541–543.

³⁹ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 2005. Л. 1.

ордена ксендз Людвиг Ржевуский перевез останки в Полоцк, где они были погребены под иезуитским костелом⁴⁰. Спустя некоторое время иезуиты тайно перенесли останки из склепа в особый придел костела. Затем в стене, отделявшей основное помещение костела от придела, пробили маленькое окошко, превратившееся впоследствии в дверь. Тело Боболи было положено на месте, устроенном в виде раки, у которой дежурил иезуит, рассказывавший о страшных мучениях, которые тот претерпел от «схизматиков», то есть православных. Стали отправляться разные службы «мученику». Так в полоцкой земле начался культ Боболи.

В 1822 г. иезуиты были выдворены из России, а их место в Полоцке заняли пиары, унаследовав костел и монастырь иезуитов. Пиары сначала заперли придел, в котором находились останки Боболи, но затем посчитали более выгодным подражать иезуитам, и к гробу «мученика» снова стали стекаться богомольцы.

В 1831 г. пиары были удалены из Полоцка, здания монастыря переданы под кадетский корпус, а костел переделан в Николаевский собор. После этого неизвестно каким образом тело Боболи очутилось в доминиканском костеле. Доминикане буквально повторили историю, проделанную иезуитами с «мощами» – поставили их в особом приделе, а затем для соединения его с костелом пробили дверь в капитальной стене⁴¹.

После воссоединения униатов католическое духовенство стало придавать особе «миссионерское» значение «мощам» Боболи, всячески поддерживая и распространяя в простом народе его культ. Бывшие униаты действительно стекались к ним целыми толпами «в праздничные дни всего лета, весны и осени» не только из Витебской, но и из соседних губерний, «оставляя свои приходские церкви пустыми». Среди простых крестьян, большей частью женщин, приходивших на поклонение к Боболе, нередко можно было встретить и лиц среднего сословия. Примечательно, что в Полоцке день памяти Боболи был приурочен к 23 мая, дате, никак особо не связанной с его жизнью и кончиной (был убит 17 июня). Но зато 23 мая было днем памяти преподобной Евфросинии Полоцкой. И вот в противовес православному празднику ксендзы стали устраивать в этот день в костеле, где находились останки Боболи, особо пышное богослужение

⁴⁰ Там же. Л. 11.

⁴¹ Сапунов, А. Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке / А. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1886. – № 78. – С. 2.

с хором, органной музыкой и другими атрибутами торжественной католической службы. Конечно же, все это привлекало православный люд, и нередко можно было видеть, как простые богомольцы, помолвившись в Спасо-Евфросиниевском монастыре⁴², шли в костел на поклонение Боболе. Костел в этот день был открыт с раннего утра до позднего вечера. Приходящим раздавались различные предметы – специально сшитые шапочки, крестики и пр. Верующие простолюдины, особенно женщины, уносили эти вещи в свои дома как великую святыню. Мощи же преподобной Евфросинии в это время, к сожалению, находились в Киеве⁴³, и православные белорусы, не обретая святыни в полоцких православных храмах, находили удовлетворение своим религиозным потребностям в костеле⁴⁴.

Влияние на бывших униатов искусственно раздуваемого культа Боболи после его канонизации могло получить еще большую силу и распространение. Вот почему сведения, сообщенные Говорским, насторожили местные власти. Расследование, проведенное губернским чиновником Селеховым, действительно подтвердило информацию о переписке римских иезуитов с петербургскими и полоцкими доминиканцами. При этом в полоцком доминиканском монастыре при обыске в келье приора был найден запечатанный несколькими печатами железный ящик, в котором хранилось 12 документов относящихся к Боболе.

Следствие также открыло, что между помещиками Лепельского уезда распространился слух, будто бы католическое духовенство исходатайствовало разрешение в продолжение семи лет совершать в костелах так называемые сорокачасовые богослужения – выставление Святых Даров в течение сорока часов для всеобщего почитания с непрерывными молитвами. Богослужение это, соединенное с индульгенциями, должно было совершаться по очереди, с перенесением из костела в костел, в праздничные дни в присутствии многих ксендзов и при стечении народа. Помещики были в восторге от

⁴² Спасо-Евфросиниевский женский монастырь находился в двух верстах от г. Полоцка. Основан в XII в. св. Евфросинией, ставшей и первой игуменьей обители. В 1579 г. отдан иезуитам, после изгнания которых в 1820 г. перешел в казну и служил дачей Полоцких епископов. В 1841 г. возобновлен, тогда же перенесен в монастырь из киевского Софийского собора святой крест (работы Лазаря Бокши).

⁴³ Мощи преподобной Евфросинии Полоцкой перенесены из Киева в Полоцк в 1910 г.

⁴⁴ Тыртов, А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболи, в Полоцке / А. П. Тыртов // Литовские епархиальные ведомости. – 1892. – № 50. – С. 422.

этих слухов, а православное духовенство чрезвычайно смущалось, опасаясь соблазна для своих прихожан⁴⁵.

Докладывая обо всем этом министру внутренних дел, генерал-губернатор князь А. М. Голицын писал: «Не отвергая, что проект ксендзов извлекает из сего орудие к возбуждению здесь католицизма, – поставляю обязанностью представить благоусмотрению Вашему, что если б признано было нужным поступить в этом случае согласно с последовавшим в 1807 г. Высочайшим дозволением, т[о] е[сть] погребсти под церковью тело Боболи, то эта мера, при нынешних обстоятельствах, могла бы произвести всеобщий ропот и быть поводом к фанатическому чествованию тела Боболи, которому поклонение ограничивается доселе почти исключительно низшим классом римско-католического населения. По этим причинам я полагал бы, что тело Боболи подлежало бы, оставить в настоящем его положении впредь до особых, смотря по обстоятельствам, распоряжений»⁴⁶.

Так и было сделано. Как видим, в решении этого вопроса власти исходили не из конфессиональных пристрастий, а руководствовались чисто политическими соображениями.

Хотя дело это и закончилось благополучно для местного католического духовенства, последнее все же не могло простить главного виновника расследования, доставившего столько тревог и волнений. Говорский из-за этой истории, по собственному свидетельству, «нажил себе явных и тайных врагов на всем пространстве белорусского края». Жену его родственники-католики лишили наследства, а также материальной помощи, которую периодически оказывали ранее⁴⁷.

Надо сказать, глухое брожение умов, возникшее в нач. 1850-х гг. между польскими помещиками и шляхтой Западных губерний и Царства Польского, было в своем роде предвестием зарождавшейся в Европе против России бури, разразившейся Восточной войной (1853–1855). В это смутное время поляки и их покровители – иезуиты особенно настойчиво хлопотали в Риме у папы Пия IX о поддержке Польши в ее «неравной» борьбе с Россией, особенно о поддержании религиозной ревности и усердия поляков к «пользам» Святого Престола. Папа внял этим просьбам польских патриотов и 6 декабря 1854 г. возвел Андрея Боболю в разряд блаженных Римской

⁴⁵ Сапунов, А. Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке. С. 2.

⁴⁶ Там же. С. 2–3.

⁴⁷ РГИА. – Ф. 797. Оп. 27. V отд. I ст. Д. 36. Л. 19.

Церкви. Этот же папа в 1864 г. причислил Иосафата Кунцевича к лику святых всей Римо-Католической Церкви, хотя он считался до этого блаженным только Униатской Церквю⁴⁸.

Но вернемся к Говорскому. 25 мая 1852 г. он отправил К. С. Сербиновичу вторую свою статью, в которой говорилось о полоцком Борисоглебском монастыре. Но и она не была опубликована. Осталась неопубликованной и статья «Описание Борисоглебской церкви», посланная в Императорское археологическое общество. Там она «залежалась» и среди других рукописей была сдана в архив⁴⁹.

30 мая 1852 г. Говорский подал Преосвященному Василию рапорт, в котором сообщал, «что к составлению историко-статистического описания Полоцкой епархии собрал материалы и извлек из различных источников всевозможные относящиеся к сему предмету сведения в такой впрочем, соразмерности, сколь позволяли его средства». При этом он указывал, что приступить к написанию истории на основании собранных материалов пока не решается, так как ожидает более подробных сведений от сотрудников, обязанных епархиальным начальством доставлять их из Витебских консисторских архивов. Впрочем, заметив, что из-за медлительности сотрудников он мало надеется на их содействие, просил разрешения самому после экзамена в семинарии выехать в Витебск для личного ознакомления с содержанием архивов и осуществления необходимых выписок. Эту работу он надеялся проделать не более чем за две недели, срок достаточно короткий, указывая, что в чтении древних документов приобрел большой навык.

Говорский просил архиепископа выдать ему на путевые издержки «потребное количество денег из экономических семинарских остатков», которые, как ему известно, имеются в наличии «от классных окладов и квартирных пособий». Кроме того, он добавлял, что описание монастырей Полоцкой епархии, возложенное на бывшего ректора семинарии архимандрита Павла, перемещенного еще в августе 1851 г. в Рижскую духовную семинарию, он готов взять на себя, в случае если оно не исполнено. При этом отметил, что, собирая материалы для истории иерархии, почерпнул сведения и о монастырях и некоторые из них уже обстоятельно описал⁵⁰.

⁴⁸ Тыртов, А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболи. С. 6–7.

⁴⁹ Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев ; под. ред. Б. А. Рыбакова. – Мн. : Беларуская навука, 1996. – С. 160.

⁵⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 14–14 об.

Говорский рассчитывал, что просьба его будет решена в ближайшее время, и он сможет воспользоваться для поездки в Витебск казенным временем. Однако такой, казалось бы, несложный вопрос, касающийся епархиальных средств, архиепископ Василий не взялся решать самостоятельно. Почти полтора месяца он продержал у себя рапорт, а затем переслал его обер-прокурору.

Между тем, освободившись от занятий в семинарии и не имея пока никакой реакции на поданный рапорт, Говорский решил не терять время и предпринять исследовательское путешествие в окрестности Полоцка. Он намеревался осмотреть древние замчища, курганы и другие примечательные с точки зрения археологии, места, а кроме того, пообщаться с местными священниками на предмет наличия в их семейных архивах древних документов.

7 июня он совершил «первую прогулку за реку Двину для предварительного обозрения курганов» и «для расположения помещиков к содействию» в его археологических и археографических поисках. Первоначальным объектом исследования Говорский избрал так называемую Ольгердову дорогу, проложенную в древности по приказанию великого князя литовского Ольгерда во время его военных походов на Русь. В старину это была довольно широкая дорога, служившая главным сухопутным сообщением между Литвой и Русью. По имевшимся историческим свидетельствам, она существовала еще при польских королях Стефане Баторие, Сигизмунде III, Владиславе IV и Яне Казимире, но к XIX в. не сохранилась, хотя следы ее должны были просматриваться. По мнению Говорского их можно было распознать по отлогим спускам на реках, ручьях и оврагах, по заметно срытым вершинам холмов, по древним просекам в лесах, а также по цепи курганов, расположенных в одном направлении приблизительно на равном расстоянии друг от друга, что могло свидетельствовать о каком-то их особом назначении⁵¹. Но, несмотря на эти предполагаемые ориентиры, сам он, судя по всему, плохо представлял, в каком направлении проходила Ольгердова дорога. В частном письме, описывая свою поездку, Говорский утверждал, что ее следы заметны «по задвинью, от полоцкого екиманского Острова, по направлению дороги, ведущей в Ушач, Лепель и Борисов»⁵². Затем позже, готовя публикацию для «Записок императорского Ар-

⁵¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). – Ф. 166. Оп. 5. Д. 6. Л. 1.

⁵² Там же.

хеологического общества» и, видимо, выяснив, что, согласно польскому летописцу Стрыйковскому и другим, дорога шла из Литвы к русским владениям через Глубокое, Полоцк и Витебск, указал несколько иное направление.

Маршрут, по которому путешествовал Говорский, также заставляет сомневаться, что он двигался вдоль древнего шляха. Так, по его уверению, со ссылкой на местных жителей, Ольгердова дорога тянулась от Полоцка через задвинские леса мимо мызы Рудня, через небольшую реку Ушач, далее через имение Бездедовичи, мимо Медвежьего озера на Чертов мост, через Быхонковую гору за реку Двину, по направлению к местечку Глубокое Виленской губернии, а оттуда – в Вильно⁵³. Если следовать данному описанию, то получится довольно запутанный маршрут.

Итак, Говорский отправился в археологическое путешествие по маршруту, как ему казалось, ведущему вдоль следов Ольгердова шляха, – в сторону имений помещика Феликса Обромпальского Бездедовичи и Старый Двор. По пути он расспрашивал у крестьян о встречавшихся древних могильниках, но народная память почти никаких воспоминаний об этих захоронениях не сохранила. Крестьяне говорили, что это могилы «нехристей», воевавших за Полоцк. Большую часть этих захоронений народ именовал волотовками, иногда шведскими могилами, а некоторые – лицевскими могилами, что, по убеждению Говорского, было искажением слова «рыцарские». Лицевские могилы отличались от других курганов малой высотой и нередко покрываемыми их вековыми соснами. Крестьяне рассказывали, что при их случайном разрытии иногда находили разные железные и серебряные вещи, которые отдавали помещикам или переделывали на хозяйственные орудия. По предположению Говорского, в этих могилах могли покоиться останки убитых в сражениях под Полоцком ливонских рыцарей.

Из встретившихся по дороге захоронений его внимание привлек могильник, называемый в народе Бабьей горой. Он буквально весь был усеян человеческими костями и кое-где даже виднелись целые скелеты, впрочем, не сами кости, а только формы костей, образовавшиеся из слипшегося в плотную массу песка. При надавливании пальцами или легком ударе палкой эти песчаные слепки чело-

⁵³ Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги / К. Говорский // Записки Императорского археологического общества : Т. 5. Приложения. – СПб., 1853. – С. 88.

веческих останков тотчас рассыпались. Полное истление костей свидетельствовало об их значительной древности. Гору эту, «как в отношении названия, так и внутреннего содержания», Говорский наметил в будущем обследовать более тщательно⁵⁴.

Конечным пунктом путешествия семинарского учителя стала мыза помещика Феликса Обромпальского Старый Двор, расположенная в 19 верстах от Полоцка. У Обромпальского в это время гостили другие помещики. Воспользовавшись радушным приемом хозяина и подвернувшимся случаем, Говорский поделился с присутствующими своими исследовательскими планами. В разговоре, чтобы придать своей персоне больший вес, он упомянул о сотрудничестве с Императорским археологическим обществом. Это действительно сыграло свою роль в разговоре с помещиками, и Говорский, по собственному выражению, встретил с их стороны «просвещенную готовность и охоту» содействовать в его изысканиях «моральными и физическими средствами». Некоторые из них пообещали передать в дар археологическому обществу разные предметы, найденные в курганах, с указанием времени и места находок. Из обещанных предметов наибольший интерес представлял меч, принадлежавший, как полагали, гротмейстеру Тевтонского ордена Конраду фон Валленроду, жившему во второй пол. XIV в. и якобы убитому в сражении с русскими и литовцам⁵⁵. Но следует заметить, что это было ошибочное предположение, поскольку Валленрод скончался в Мариенбурге и вовсе не от меча.

Сам хозяин мызы Феликс Обромпальский показал найденный им при раскопке одного из лицевских курганов близ деревни Волотовки меч и рыцарские доспехи, пообещав подарить их археологическому обществу. Меч этот Говорский сразу же подверг тщательному осмотру и срисовал его в натуральный размер со всеми изображениями и надписями⁵⁶.

Вообще гости Обромпальского рассказали много интересного о разных древностях, находимых в тамошних краях. Сам хозяин поведал, как при разрытии одного косогора нашли несколько испещренных славянскими надписями каменных плит. Но особенно Говорского впечатлил рассказ Обромпальского о следах древнего кладбища, обнаруженного в пределах его имения. Кладбище это

⁵⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 5. Д. 6. Л. 1 об.

⁵⁵ Там же. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Л. 2–2 об.

было усеяно разной величины и вида камнями, на некоторых из которых сохранились следы надписей. На одном из таких камней помещик сумел даже прочесть начертанную славянскими буквами надпись, которая гласила: «Тут схован (имя помещик не упомянул. – *авт.*), а с ним любы комон (конь. – *авт.*) чирь пес и горелка»⁵⁷. Говорский почему-то посчитал, что эта надпись свидетельствует о дохристианском времени происхождения кладбища. Видимо ему хотелось прикоснуться к чему-то очень древнему, но он ошибался. Надпись явно была поздняя, да к тому же довольно курьезная.

Также внимание Говорского привлек рассказ о существующем между крестьянами имения Краснополье Полоцкого уезда предания о витязе Бое и трех его верных собаках вместе с ним погребенных. Подобную легенду, кстати, описывает и П. Шпилевский, правда, упоминает о двух собаках, называя даже их имена⁵⁸. Примечательно, что крестьяне не переставали совершать на могиле этого Боя что-то вроде древней языческой «тризны» с припеванием на белорусском языке песни о легендарном витязе и его собаках⁵⁹.

Гости Обромпальского рассказали также, что в имении помещика Антония Селлявы – Менница Лепельского уезда – находится озеро, считавшееся среди местных жителей заколдованным, о котором бытовали любопытные предания. В районе этого озера имелось множество очень древних курганов, в которых нередко находили железные орудия и доспехи, отличавшиеся «и странностью и тяжеловесностью». Так, например, там был найден огромный обоюдо-острый меч размером с человеческий рост, настолько тяжеловесный, что даже сильному мужчине с трудом удавалось поднять его одной рукой. На обломке другого найденного меча была заметна надпись на неизвестном языке. Предметы эти хранились у владельца имения Антония Селлявы, а некоторые – у местного священника. Бывший в гостях у Обромпальского племянник Селлявы Эдуард, выпускник Дерптского университета, изъявил желание помочь Говорскому в исследовании как упомянутых курганов, так и находившихся в его собственном имении Селищах, расположенном в 50 верстах от Полоцка по дороге на Лепель и Борисов. Кроме того, Эдуард надеялся убедить дядю пожертвовать найденные в менницких курганах вещи

⁵⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁸ Шпилевский, П. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках / П. Шпилевский // Пантеон. – 1856. – Кн. 1. – С. 26.

⁵⁹ ИРЛИ РАН. – Ф. 166. Оп. 5. Д. 6. Л. 3 об.

Русскому археологическому обществу. Кстати, сам он занимался перерисовыванием акварелью фресок полоцкой Спасской церкви, которые Говорский вместе с описанием также намеревался переслать в археологическое общество⁶⁰.

Рассказы, услышанные в доме Обромпальского, крайне заинтересовали Говорского, однако требовали, по его мнению, проверки, чего он в эту поездку по недостатку времени сделать не мог, намереваясь непременно исполнить это в будущем.

Возвращаясь в Полоцк, Говорский заглянул по дороге в имение Бонония к помещику Августу Чеховичу, который так же, как и другие помещики, «с величайшим удовольствием» согласился при необходимости оказывать содействие в его археологических поисках. В разговоре Чехович указал Говорскому на уединенный поросший деревьями могильник, расположенный возле полоцкой дороги и приходской церкви на обрывистой песчаной горе, у подножия которой протекала речка Ушач. По словам помещика, крестьяне в этом месте, после размывтия его дождем, всегда находили древние серебряные монеты, из чего заключали о существовании здесь клада, огражденного чарами и заклятиями, и потому не смели раскапывать его, а найденные монеты относили в церковь. Вместе с тем Чехович пообещал содействие в пользу археологического общества и даже готовность со временем передать туда старинную саблю, найденную им при разрытии курганов в имении Селище. С сабли этой Говорский сделал рисунок в полный размер и скопировал имеющиеся на ней изображения⁶¹.

Общение с Чеховичем окончательно убедило Говорского в том, что в своих археологических изысканиях он сможет рассчитывать на содействие местных помещиков. По крайней мере, он встретил у них искреннее желание быть полезными Императорскому археологическому обществу.

По собственному признанию Говорского, его первое археологическое путешествие превзошло ожидания и дало надежду на значительный успех в будущем «в отношении открытия древностей» и возможности приобрести много исторических памятников и сведений, «которые прояснят не одну темную строку в истории Белорусского края»⁶².

⁶⁰ Там же. Л. 3 об.

⁶¹ Там же. Л. 4–4 об.

⁶² Там же. Л. 1.

29 июня 1852 г. он написал управляющему Отделением русской и славянской археологии Императорского археологического общества А. И. Войцеховичу письмо, в котором изложил основные результаты своей поездки. В конце письма Говорский сообщал, что многие помещики изъявили согласие принести в дар археологическому обществу имевшиеся у них древние вещи и монеты. «Так, что в будущую мою поездку надеюсь собрать для отсылки в Общество значительную коллекцию древних предметов и рукописей», – писал он⁶³.

К письму Говорский приложил изображения рыцарского меча и старинной сабли, срисованные у помещиков Обромпальского и Чеховича. По поводу меча он высказал некоторые предположения. Поскольку на оружии имелся вензель из букв С. F., украшенный сверху «гроссмейстерской короной» и надписью «Der Vater Des Vaterlands» («Отец Отечества»), Говорский предположил, что меч принадлежал одному из магистров Ливонского ордена, чье имя могло соответствовать вензельным буквам. По его мнению, это мог быть Конрад фон Фухтеванге, бывший 15-м магистром ордена (1279–1281) и воевавший с самогитами и семигалами, подвластными Полоцким князьям, а следовательно, и с полочанами, долгое время оспаривавшими у ордена придвинские владения, или Конрад Фитингоф – 30-й магистр ордена (1404–1413), также воевавший с русскими соседями за Ливонию. Ввиду того, что отделка меча была грубой и безыскусной, свидетельствовавшей о его архаике, Говорский склонялся к мысли, что хозяином оружия мог быть, скорее всего, магистр Конрад Фухтеванге. «Впрочем, – завершал он свои рассуждения, – дальнейшие разыскания курганов, в которых найден этот меч и рассмотрение других открытых с ним вещей, быть может, доведет до истины»⁶⁴. Говорский ошибался. Совершенно произвольно он решил, что на вензеле изображена гроссмейстерская корона. Кроме того, по стилю надписей и рисунков меч явно относился к гораздо более поздней эпохе.

На следующий день Говорский написал Войцеховичу другое письмо, в котором интересовался судьбой переданного в Императорское археологическое общество старинного астрономического прибора. «На днях, в Северной Пчеле, – писал он, – напечатано было известие о пожаловании Ея Императорским Высочеством В[еликой] Княгиней Анною Павловною для Императорской публичной Библи-

⁶³ Там же. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 2–2 об.

отеки, астрономо-астрологического прибора, сделанного в XVI ст. Это известие осмеливает меня почтительнейше просить Императорское археологическое общество, дабы соблаговолило обратить просвещенное внимание на таковой же прибор, препровожденный мною в оное Общество в прошлом году в месяце декабре, чрез Его Превосходительство Дмитрия Николаевича Замятина, с тем, чтобы Общество, если прибор этот окажется нужным для археологического Музея приобрело оный покупкою»⁶⁵. Говорский просил сообщить, какие имеются «намерения относительно сего прибора», так как его владелец, господин Лейбе, об этом постоянно спрашивал. К сожалению, ничего больше о судьбе этого предмета выяснить не удалось, как и то, ответил ли Войцехович Говорскому на его письма и что именно.

Первое письмо, с описанием археологической поездки, Говорский в несколько сокращенном виде в том же году опубликовал в неофициальной части «Витебских губернских ведомостей»⁶⁶.

Тем временем вопрос о выдаче Говорскому денег для поездки в Витебск продолжал затягиваться. Не решаясь самостоятельно выдать средства, архиепископ Василий (Лужинский) 12 июля переслал просьбу семинарского учителя обер-прокурору графу Н. А. Протасову. Спрашивая разрешения на отпуск прогонных денег⁶⁷, Преосвященный, между прочим, сообщал, что со своей стороны объявил Говорскому «за отлично заботливую ревность о исполнении во всей точности данного ему начальством поручения по составлению исторического описания Полоцкой епархии» архиpastырскую признательность, с внесением в формулярный список. Духовным же лицам, которым предписывалось заняться собиранием необходимых сведений и фактов для передачи их Говорскому, сделал строгий выговор «за гибельное нерадение». А так как бывший ректор семинарии архимандрит Павел не занимался порученным ему делом относительно составления истории монастырей епархии, архиепископ сообщал, что с признательностью передал это дело Говорскому⁶⁸.

⁶⁵ Там же. Л. 9.

⁶⁶ Говорский, К. Письмо в Императорское археологическое общество от 18 июня 1852 г. / К. Говорский // Витебские губернские ведомости. – 1852. – № 32. – С. 1–3.

⁶⁷ Расстояние от Полоцка до Витебска по «Дорожнику» 1842 г. считалось 109 $\frac{3}{4}$ версты. Так как К. А. Говорский имел чин коллежского советника, то прогонных денег ему на указанное расстояние следовало за три лошади 4 руб. 92 $\frac{3}{4}$ коп. серебром в один конец, а в оба – 9 руб. 85 $\frac{1}{2}$ коп. серебром.

⁶⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 15–15 об.

Справедливости ради заметим, что архимандрит Павел (Доброхотов) в определенной мере занимался возложенным на него делом и даже собрал ряд интересных документов, касающихся истории монастырей Полоцкой епархии. Однако назначенный в августе 1851 г. ректором Рижской семинарии он увез эти материалы с собой. Поэтому-то и не было обнаружено следов его работы и сделан неверный вывод о его бездействии. Как известно, Доброхотов был страстным собирателем старинных церковных документов. Его археографическое собрание хранится ныне в составе Русской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Среди материалов этой коллекции как раз и находятся документы, собранные Доброхотовым в бытность его ректором Полоцкой духовной семинарии.

Ходатайство Преосвященного Василия о выдаче прогонных денег К. А. Говорскому сначала было рассмотрено в Духовно-учебном управлении, а затем предложено Святейшему Синоду. В начале августа Синод разрешил выдать Говорскому необходимую сумму на поездку в Витебск, и лишь 27 августа это постановление было отправлено архиепископу Василию⁶⁹. А меж тем каникулярное время закончилось...

Как бы то ни было, а новость для Говорского была положительная. Совпала она с еще одним приятным событием. 22 августа 1852 г. ему был «Всемилоостивейше пожалован знак отличия беспорочной службы за XV лет»⁷⁰.

Неизвестно, когда именно Говорскому удалось выехать в Витебск. Между тем в сентябре он продолжил свои археологические исследования в окрестностях Полоцка.

В воскресенье 7 сентября Говорский совершил вторую археологическую поездку за реку Двину. Двигаясь по прежнему маршруту, он занялся обследованием попадавшихся вдоль дороги древних каменных крестов. Первый из них находился в лесу в трех верстах от полоцкого предместья Екимания в месте соединения двух дорог, ведущих в сторону Вильны. Крест этот был наполовину вросшим в землю и весь покрыт отвердевшим мхом. Говорский не сумел расчистить его, но разглядел фрагменты славянской надписи. Другой крест, подобный первому, он обнаружил в фольварке помещика Феликса Обромпальского Бездедовичи, принесенный туда с находив-

⁶⁹ Там же. Л. 17–18.

⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 9 об. – 10.

шегося возле дисненской дороги древнего кладбища и положенный в огороде. На нем также были видны фрагменты сохранившейся славянской надписи. Точно такие же кресты, по словам местных жителей, находились при окрестных дорогах еще в нескольких местах. Осмотрев кладбище, с которого был перенесен крест, Говорский констатировал, что это древнее православное кладбище.

На другой день он отправился в имение Обромпальского Рудню, недалеко от которого обследовал заинтересовавшую его еще в первую поездку Бабью гору. При ее осмотре выяснилось, что это место древних захоронений. Судя по обнаруженным останкам, тела полагались в могилах головой на восток, что свидетельствовало об их христианском происхождении. Осматривая кладбище, Говорский проводил небольшие раскопы. Здесь, в песке, вынутом из могилы, он нашел три серебряные монеты овальной формы: две с надписью Великий князь Василий Иванович всея России, а третья – времен Иоанна, но неизвестно какого. На обороте всех монет был изображен всадник, поражающий копьём змея⁷¹.

Из Рудни Говорский в тот же день отправился в погост Ветрино, расположенный в 25 верстах от Полоцка и 7 от Рудни. Местные старожилы уверяли, что в древности их селение являлось пригородом Полоцка, чему семинарский учитель, кажется, поверил. Но это было какой-то местной выдумкой. Рассказывали также, что в Ветрино в старину насчитывалось до 12 церквей. И этой информации Говорский доверился и даже, как ему казалось, обнаружил следы их существования по камням на окрестных пригорках, приняв за остатки фундаментов. Вокруг местной деревянной приходской церкви он обследовал кладбище с древними каменными крестами и плитами. Очистив один из крестов, Говорский прочитал фрагмент славянской надписи, а в одной из могил нашел серебряную монету времен царя Михаила Федоровича. По его мнению, положение трупов головой на восток во всех раскопанных могилах на трех кладбищах, славянские надписи на крестах, а также нахождение русских монет доказывало, что кладбища эти «принадлежали тем временам, когда, по словам польского короля Батория, в его привилегии, на учреждение в городе Полоцке иезуитов, не только в Полоцке, но и во всем Белорусском крае не было ни одного латинского костела,

⁷¹ Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка / К. Говорский // Записки Императорского археологического общества. – Т. 5. – СПб., 1853. – С. 98–99.

или, по крайней мере, когда нововведенная в подвластные Польше русские области уния еще не развилась в Белоруссии»⁷².

Из Ветрино Говорский в сопровождении местного священника Шумянка поехал осмотреть находившиеся в нескольких верстах древние окопы, именуемые замком. Там, по преданию, когда-то существовал замок под названием Глинский. Обследованием ближайших к нему окрестностей и посвятил остаток дня семинарский следопыт.

9 сентября Говорский возвратился на прежнюю дисненскую дорогу, по которой доехал до берегов реки Начи, впадающей в Двину. Там он остановился на мызе помещика Алоизия Обромпальского Наче-Ипаковщизне, чтобы обследовать находившиеся неподалеку древние кладбища. Хозяин мызы слыл талантливым поэтом «в современной польской литературе», увлекался собиранием минералов и различных предметов старины, словом – считался человеком просвещенным. Он охотно принял семинарского учителя-краеведа, оказав возможное содействие.

Во время обследования здесь нескольких древних кладбищ Говорский провел раскопки захоронений. Исследовав их, он пришел к выводу, что кладбища эти еще времен языческих, однако позднейших, когда сжигание тел было уже заменено погребением. По его убеждению, на этом месте существовали усадьбы кривичей⁷³.

В следующее воскресенье, 14 сентября, Говорский снова отправился в путешествие, как полагал, вдоль Ольгердова шляха, обследовав на этот раз местность протяженностью около 30 верст.

Во время путешествия Говорский делал топографические заметки и провел раскопки более десятка курганов. Найденные им погребения свидетельствовали, что это захоронения времен языческих, так как тела были сожжены, а кости располагались всегда в одном направлении – с востока на запад.

Хотя Говорский не был профессиональным археологом, его можно назвать первым, кто в Белоруссии при раскопках курганов изучал не только остатки погребений, но строение их насыпи, пытаясь сделать чисто археологические обобщения. Обследуя захоронения, Говорский делал довольно ценные замечания, обращая внимание на важные в научном отношении детали⁷⁴.

⁷² Там же. С. 99–100.

⁷³ Там же. С. 102–103.

⁷⁴ Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. С. 92.

Описания своих сентябрьских путешествий, как и июньской поездки, Говорский отправил в Императорское археологическое общество. Тогда же он передал туда железный наголовник от шлема и каменный топор⁷⁵, а также 6 серебряных монет и 21 медную – «мусульманские, еврейские и русские»⁷⁶.

Относительно меча и сабли, рисунки которых посылались Войцеховичу, а также 28 монет, найденных в окрестностях Полоцка, Говорский обращался к Витебскому, Могилевскому и Смоленскому генерал-губернатору с просьбой переслать их государю на Высочайшее воззрение. Но получил отказ⁷⁷.

Судьба меча и сабли неизвестна, а вот указанные монеты Говорский в 1853 г. через министра уделов графа Л. А. Перовского передал археологическому обществу⁷⁸. Среди них имелась монета Птолемея XI – нач. II в. до н. э., найденная на берегу реки Нача у погоста Шпаковщина, оттоманская пара из деревни Селище, остальные – поздние⁷⁹. В том же году в приложении к «Запискам Императорского археологического общества» вышли две его статьи «Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению, так называемой Ольгердовой дороги»⁸⁰ и «Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка»⁸¹. Спустя семь лет те же статьи вышли в «Витебских губернских ведомостях»⁸², когда К. А. Говорский был их редактором. Следует отметить, что последовательность публикаций не соответствует хронологии поездок, отчего возникла путаница, в результате которой в позднейшей редакции статей ука-

⁷⁵ Веселовский, Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Н. И. Веселовский. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1900. – С. 338.

⁷⁶ Там же. С. 328.

⁷⁷ Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. С. 91.

⁷⁸ Веселовский, Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896. С. 329.

⁷⁹ Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. С. 91.

⁸⁰ Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги. С. 88–97.

⁸¹ Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка. С. 98–103.

⁸² Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги // Витебские губернские ведомости. – 1860. – № 5. – С. 13–14; № 6. – С. 13–14; № 7. – С. 13–14; № 9. – С. 1–2; Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка / К. Говорский // Витебские губернские ведомости. – 1860. – № 11. – С. 1–2; № 12. – С. 1–2.

заны уже неверные числа. Напомним, первую археологическую поездку Говорский совершил 7 июня, вторую 7–9 сентября и третью – 14 сентября 1852 г.

Успехи К. А. Говорского в занятиях по собиранию материалов, касающихся историко-статистического описания Полоцкой епархии, послужили поводом к избранию его в 1852 г. почетным членом Витебского губернского статистического комитета.

Меж тем назревали большие перемены в жизни Полоцкой духовной семинарии. В 1851 г. ее посетил с ревизией Литовский архиепископ Иосиф (Семашко), найдя здания семинарии в очень плохом состоянии, а некоторые помещения даже в аварийном. При этом выяснилось, что ремонт их обошелся бы дороже, чем постройка нового здания. Поэтому в 1852 г. ректор семинарии архимандрит Поликарп (Пясецкий) ходатайствовал перед архиепископом Василием о перемещении семинарии в Витебск. Там ее планировали разместить в здании бывшего базилианского монастыря. Но поскольку его занимали на тот момент губернские присутственные места, переезд пришлось отложить.

Тем временем в 1853 г. по распоряжению Святейшего Синода в семинарии для лучших воспитанников было открыто миссионерское отделение, на котором изучались новые предметы. Практические наставления миссионерам давал ректор архимандрит Фотий (Романовский). Обзорение сочинений, написанных как раскольниками, так и против них, помощник ректора иеромонах Иоасаф. Историю и статистику русского раскола преподавал профессор К. А. Говорский, причем безвозмездно. Эти предметы преподавались два раза в неделю, одновременно с основным учебным курсом⁸³. При этом дополнительные часы компенсировались тем, что на отделении не изучались латинский, греческий и еврейский языки⁸⁴.

В конце декабря 1853 г. Говорский представил Преосвященному Василию довольно объемную рукопись составленной им «Истории Полоцкой епархии», доведенную от начала христианства в Полоцке до 1850-х гг. При этом он пояснял, что биографии трех последних униатских архиепископов – Ираклия (Лисовского), Ираклия (Красовского) и Иакова (Окелло-Мартусевича), не были включены в со-

⁸³ Богородский, Н. Н. Историческая записка о состоянии Витебской духовной семинарии за минувшее столетие ее существования (февраль 1807 – февраль 1907). С. 249–250.

⁸⁴ РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1000. Л. 8.

став истории епархии «по причине неотыскания достаточного числа сведений» о них. Кроме того, он сообщал, что историческое описание монастырей Полоцкой епархии он представит «в возможной скорости» после того, как перепишет его набело⁸⁵.

Спустя неделю архиепископ Василий переслал представленную рукопись «на благоусмотрение» обер-прокурору графу Н. А. Протасову.

Структурно «История Полоцкой епархии» К. А. Говорского состояла из двух частей. Первую часть составляли два отделения: первое – «От начала Полоцкой епархии до времени унии» (X–XIV вв.), включало шесть разделов, второе – «Времена унии» (XVII–XVIII вв.), также шесть разделов. В первом отделении были приведены краткие исторические сведения о древнейшем прошлом Полоцка, его владельческой принадлежности в X–XIV вв., рассмотрен вопрос о времени утверждения христианства в Полоцкой земле и времени основания Полоцкой епископской кафедры, перечислены города, входившие в древнюю Полоцку епархию, указаны источники средств содержания полоцкого духовенства, проанализирован порядок распоряжения имениями и доходами полоцкой епископской кафедры после смерти епископов до назначения их преемников, описаны ход распространения идей Реформации в Белоруссии в XVI в. и деятельность на белорусско-литовских землях прибывших туда из России последователей учения Матвея Башкина монахов Феодосия, Артемия и Фомы, названо время появления старообрядцев на территории Белоруссии, а также представлены биографические сведения о 31 полоцком архиерее XII–XVI вв. Во втором отделении повествуется о реакции православного населения Белоруссии на переход высшего полоцкого духовенства в унию, характеризуется политика различных полоцких униатских архиереев по отношению к православным, рассмотрены взаимоотношения между католиками и униатами, перечислены преимущества, имевшиеся у неженатых униатских священников перед женатыми, указано количество церквей и приходов, обращенных в Белоруссии в Православие в 1774 и 1779–1783 гг. и число антиминов, отправленных Минскому архиепископу Виктору (Садковскому) по распоряжению Синода в 1794 г.

Во втором отделении «Истории Полоцкой епархии» центральное место занимал раздел «Историческое обозрение гонений, при-

⁸⁵ РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 20.

чиненных православным жителям Белоруссии по случаю введения унии в этом крае», написанный с ярко выраженных антиуниатских и антикатолических позиций. В нем были собраны и подробно описаны многочисленные факты притеснений, которым в XVII–XVIII вв. подвергались православные священнослужители и миряне со стороны униатов и католиков (захват, запечатание и разрушение храмов и монастырей, запрет на строительство новых церквей, репрессии против православных, препятствия к совершению богослужений, недопущение священников в города и др.), а также отмечены примеры сопротивления православного населения Белоруссии насаждению унии. Говорский изложил мотивы, побуждавшие белорусских дворян переходить в католичество, и перечислил меры, предпринимавшиеся польскими властями по принуждению к переходу в униатство белорусской мелкой шляхты. Также привел тексты донесений о гонениях на православных в Белоруссии, посылавшиеся в Москву и Петербург белорусскими епископами и российскими резидентами в Варшаве.

Этот раздел был составлен Говорским по различным русским и польским печатным и рукописным источникам, в том числе документам архивов Полоцкой духовной консистории, Полоцкого городского магистрата, Полоцкого уездного суда, Витебской городской думы, Тадулинского Успенского и Витебского Маркова монастырей, а также на основании работы Н. Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше унии...» (1805 г.), из которой были сделаны пространные выписки. Вместе с тем в разделе приводились (полностью или частично) тексты различных документов, связанных с рассматриваемой в нем темой.

Завершалось второе отделение «Истории Полоцкой епархии» жизнеописаниями девяти полоцких униатских архиереев XVII–XVIII вв. и трех православных епископов XVII в. – Мелетия (Смотрицкого), Сильвестра (Коссова) и Каллиста (Риторайского). Второй экземпляр «Истории Полоцкой епархии» Говорский послал К. С. Сербиновичу.

В феврале 1854 г. Говорский представил Преосвященному Василию «в одной рукописи, в бумажном переплете» историческое описание монастырей Полоцкой епархии. После прочтения архиепископ переслал рукопись обер-прокурору⁸⁶.

⁸⁶ Там же. Л. 22.

Эта часть описания епархии состояла из десяти разделов. В первом (основном) разделе указывалось, в частности, время возникновения первых полоцких монастырей, их количество в Полоцке во время занятия города Стефаном Баторием. Также сообщались краткие сведения об упраздненных православных обителях, находившихся в Полоцке и его окрестностях, приводились списки монастырей, входивших в состав Полоцкой униатской епархии в 1839 г. и базилианских монастырей, упраздненных до 1839 г. Восемь следующих разделов представляли описания восьми мужских и женских монастырей епархии, действовавших на начало 1850-х гг.: Витебского Маркова Свято-Троицкого, Полоцкого Братского Богоявленского, Тадулинского Успенского, Вербиловского Покровского, Полоцкого Спасо-Евфросиниевского, Полоцкого Борисо-Глебского, Невельского Преображенского, Витебского Свято-Духовского.

По структуре описания монастырей были составлены однотипно: статус монастыря, его местонахождение, основатель, исторические сведения, церковно-административная подчиненность в разное время, церкви (наименование, теплая или холодная, время, материалы и средства постройки, дата освящения, храмы-предшественники, размеры, внешний и внутренний вид, приделы, росписи, иконостас, особо чтимые святыни и достопримечательности), другие монастырские здания (назначение, материал, этажность, размеры, время сооружения), средства содержания, угодья, замечательные пожертвования (вклады), учебные заведения, праздники и крестные ходы (по всем монастырям); списки известных настоятелей и настоятельниц с биографическими сведениями разной степени полноты (по всем монастырям, кроме Спасо-Евфросиниевского и Вербиловского); штатное и наличное число монашествующих (только по Витебскому Маркову, Полоцкому Богоявленскому и Вербиловскому); количество книг в библиотеке и список наиболее замечательных документов, хранящихся в архиве (по всем, кроме Спасо-Евфросиниевского и Витебского Свято-Духовского). Приводились также (полностью или частично) тексты некоторых рукописей из монастырских архивов (в том числе текст грамоты князя Ярослава Изяславича, данной в 1396 г. Борисоглебскому монастырю на право владения мельницей на р. Бельнице)⁸⁷, описание развалин церкви Параскевы в Полоцком Борисоглебском монастыре, историче-

⁸⁷ Протоиерей Иоанн Григорович считал эту грамоту «явно подложной», потому исключил ее из второй части составленного им археографического сборника «Бело-

ские сведения о кресте преподобной Евфросинии в церкви Спаса в Спасо-Евфросиниевском монастыре и его подробное описание, перечень портретов разных лиц высшего униатского духовенства, хранившихся в Полоцком Борисоглебском монастыре. Описание монастырей было составлено Говорским по различным печатным и письменным источникам, в том числе по документам монастырских архивов и архивов Полоцкой духовной консистории⁸⁸.

Завершалась вторая часть описания епархии «Прибавлением к историческому описанию Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря», в котором были собраны сведения о его настоятельницах. Также в «Прибавлении» был помещен рисунок на-престольного креста с мощами, находившегося в Преображенском Невельском монастыре⁸⁹.

Общий объем рукописи «Истории Полоцкой епархии» составил 201 лист⁹⁰.

Говорский осознавал, что проделал огромный труд, за который следовало бы получить какое-то вознаграждение. Тем более, что и Преосвященный еще в самом начале всего дела обещал, что усердные труды не останутся без поощрения. Поэтому, как только была завершена работа по переписке набело истории монастырей, Говорский сразу же обратился в семинарское правление с просьбой об исходатайствовании ему «в уважение стеснительных его семейных обстоятельств, годового оклада жалования в единовременное пособие».

Как видим, он не стал напрямую связывать свою просьбу с проделанной работой, а сослался на семейные нужды. В прошении Говорский подчеркивал, что на протяжении 18 лет пребывает «под влиянием особенно неблагоприятных обстоятельств». В частности, он сообщал, что на его попечении находятся «бесприютная» мать с четырьмя сестрами и братом, причем никто из них не пользовался помощью от попечительств ни Полоцкой, ни Минской епархий, где служил последние годы жизни его отец. Брата своего Говорский хотя и «пристроил к священническому месту», однако содержал на

русский архив», хотя первоначально включил ее в сборник (Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – С. 27–28).

⁸⁸ Раздорский, А. И. Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива. С. 124–125.

⁸⁹ Там же. С. 125.

⁹⁰ Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. – СПб. : Синодальная тип., 1906. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 493–494.

свой счет до поступления того в духовное училище на казенное содержание, а затем семинарию. Кроме того, помогал брату деньгами на женитьбу и на другие надобности до получения им денежного пособия из Полоцкой духовной консистории после рукоположения в сан священника.

Среди других неблагоприятных обстоятельств Говорский указывал неоднократные болезни, посещавшие его и семейство, о чем прилагал докторское свидетельство. «Женитьба на круглой и бедной сироте и рождение семерых детей, – писал он, – из коих, хотя трое по соизволению Божию померли, но все-таки требовалось издержек, по случаю крещения, воспитания, и погребения, из оставшихся же в живых, старшая дочь воспитывается в образцовом пансионе, а две младшие приготавливаются к поступлению в оный у частных воспитательниц»⁹¹.

Из оставшихся в живых детей в семействе Говорских были: Михалина (ок. 1837 г. р.), Ольга (род. 11 июля 1841 г.), Лидия (род. 14 августа 1845 г.) и Федор (род. 17 февраля 1852 г.), позже еще родился сын Константин. Дети все были православного вероисповедания⁹². Михалина училась в Витебском образцовом пансионе для благородных девиц.

Кроме прочего, семейный бюджет обременяла постоянная дороговизна цен в Полоцке, увеличиваемая частыми неурожаями. Хотя в таких случаях преподаватели семинарии и получали единовременные пособия, они, тем не менее, далеко не соответствовали действительным нуждам.

«К неблагоприятным обстоятельствам моей жизни можно отнести и то, – продолжал Говорский, – что я в первые годы службы пользовался прежним, несравненно меньшим в сравнении с другими семинариями окладом жалования, тогда как некоторые тогдашние сотоварищи: Капацкий, Скворцов, Стефанович и все вообще наставники семинарии, поступившие на службу после меня, (как Войцеховский, Шидловский, покойный Верняковский, Квятковский, о. Иосиф Мигай, Кушин, Шимкович, Кросовицкий), поступили прямо на увеличенный оклад жалования и воспользовались в начале своей службы, разными милостями начальства, например Капацкий получил в награждение годовой оклад жалования, а другие увеличенное денежное пособие на первоначальное обзаве-

⁹¹ РГИА. – Ф. 796. Оп. 135. Д. 171. Л. 1–5.

⁹² РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 7.

дение и некоторое время пользовались казенной квартирой, с отоплением, освещением, прислугой и мебелью»⁹³.

Говорский указывал, что различные нужды ввели его в долги, которые он не в состоянии покрыть со своего жалования.

Уведомляя об этом прошении правящего архиерея, семинарское правление сообщало, что, признавая заслуги Говорского и его стеснительные семейные нужды, вместе с тем не находит законного основания для выдачи пособия, и потому передает вопрос на архипастырское усмотрение. Однако и Преосвященный Василий, как всегда, не стал брать на себя ответственность и переслал прошение Говорского обер-прокурору Святейшего Синода.

Полгода Говорский ожидал какого-нибудь решения по своему прошению, пока, наконец, не осмелился напрямую написать обер-прокурору Н. А. Протасову. В письме от 21 сентября, вновь изложив свои нужды и сообщив о поданном прошении в семинарское правление, он сообщал и о том, что ему известно о ходатайстве архиепископа Василия. «Но по сие время я не осчастливлен милостью Вашего Сиятельства, – писал он, – а между тем ежедневно увеличивающиеся нужды моего семейства, еще более повергли меня в стеснительное положение»⁹⁴.

Не зря Говорский напомнил о себе. Обер-прокурор в скором времени представил его просьбу на усмотрение Святейшего Синода. Однако постановление оказалось не в пользу просителя. В нем говорилось, что, так как на основании закона никто не может просить о награждении его за службу, то прошение «оставить без удовлетворения, объявив ему, что в случае отличия он должен ожидать награды по непосредственному удостоению и представлению своего начальства»⁹⁵.

Узнав о таковом постановлении, семинарское правление решило тогда ходатайствовать от своего имени о награждении Говорского «за заслуги по службе» денежным годовым окладом в 400 руб. серебром. Летом 1854 г. архиепископ Василий направил это ходатайство в Синод. На этот раз оно было удовлетворено и в августе К. А. Говорский «за усердную, многолетнюю и полезную службу» при семинарии был награжден годовым окладом.

⁹³ РГИА. – Ф. 796. Оп. 135. Д. 171. Л. 6.

⁹⁴ Там же. Л. 7.

⁹⁵ Там же. Л. 10.

В том же году он, помимо своих обязанностей в семинарии, согласился безвозмездно преподавать географию и российскую гражданскую историю в девическом училище при Полоцком Спасо-Евфросиниевском женском монастыре. До него эти предметы преподавала монахиня Евфросинья (Сербинович), родная сестра К. С. Сербиновича. Однако назначенная на должность игуменьи обители она передала эти предметы Говорскому. Нагрузку эту он нес в течение двух лет, с 13 сентября 1854 г. по 1 сентября 1856 г.⁹⁶

В ноябре 1855 г. Говорский написал временно исполняющему должность синодального обер-прокурора А. И. Карасевскому частное письмо, в котором высказывал желание о продолжении сбора материалов для истории Полоцкой епархии. Он решился написать ему не только как главе духовного ведомства, но и как члену Императорского археологического общества. Говорский замечал, что присланное в минувшем году покойному обер-прокурору графу Протасову историческое описание Полоцкой епархии и находящихся в ней монастырей составлено им на основании документов, не восходящих далее времени завоевания Полоцка королем Баторием. Поэтому такое описание, по его мнению, не могло быть «столько полным, сколько желательно было бы для пользы истории отечественной Церкви». Возможность восполнения пробелов не только истории Полоцкой епархии, но и вообще истории Западной Руси времен добаториевых Говорский видел в отыскании и изучении древнего Полоцкого архива, увезенного из Полоцка по повелению Иоанна Грозного после завоевания им города. Он указывал, что об этом архиве в Полоцке «существует громкое предание, и находятся письменные указания в разных актовых городских книгах».

Говорский утверждал, что после «долгого и тщательного разыскания» ему наконец-то удалось узнать, что архив этот «от незапамятных времен» находится в Смоленске между разными «прежних лет, губернскими архивами». В этом он удостоверился из виденных в некоторых частных фамильных архивах копий дворянских документов, извлеченных, как свидетельствовали скрепы, из смоленского архива. Также из рассказов «некоторых очевидцев, специально ездивших в Смоленск для отыскания в древнем Полоцком, находящемся там архиве, доказательств шляхетства». Особенно же его убедило свидетельство полоцкого уездного казначея Сицянки, занимавшего-

⁹⁶ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 9 об. – 11.

ся сборианием материалов для истории Полоцка и с этой целью лично осматривавшего в Смоленске древний Полоцкий архив. По его словам, архив этот «с крайним небрежением свален в подвале и даже не помещен в описи, состоит из пергаментных свертков и из связок полуистлевших бумаг, писанных по-белорусски, – весьма неразборчивым, полууставным и отчасти уставным почерком»⁹⁷.

Говорский был убежден, что в виденных Сицянке связках ветхих бумаг и пергаментов находятся исторические данные, которые могут пролить немало света на древнюю местную церковную и гражданскую историю. Ввиду этого он просил, «если приведение в известность сего древнего архива признано будет достойным внимания и полезным», снести со смоленским губернатором о разрешении ему свободного доступа ко всем тамошним архивам и распорядиться о командировании его по этому делу в Смоленск, с выдачей «прогонных и кормовых денег». При этом он указывал, что деньги можно было бы заимствовать «из запасных сумм, поступивших в сем году в ведение Правления Полоцкой семинарии: в счет долга графов Плятеров и арендных за имение Островляны». К этому Говорский добавлял, что предстоящие каникулярные дни, по случаю праздника Рождества Христова (с 21 декабря по 8 января), представляют для поездки в Смоленск очень удобное время, которое для него, как имеющего навык читать самые неразборчивые древние белорусские рукописи, «может быть достаточным к приведению сказанного архива в известность и к извлечению из оного нужных, исторических сведений».

Тем временем место исполняющего должность обер-прокурора занял К. С. Сербинович. Просьбу Говорского он 21 декабря 1855 г. предложил на рассмотрение Святейшего Синода, присовокупив, что Духовно-учебное управление полагало бы предоставить Полоцкому Преосвященному, если он признает просьбу «заслуживающей внимания и со стороны местного гражданского начальства не встретится препятствий к допущению Говорского рассмотреть хранящийся в г. Смоленске древний Полоцкий архив, то чтобы сделал распоряжение о командировании его в Смоленск для означенной цели, в такое время, какое Преосвященный признает для сего удобным, с назначением ему туда и обратно из экономических сумм Полоцкой семинарии прогонных денег на три лошади»⁹⁸.

⁹⁷ РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 24–25.

⁹⁸ Там же. Л. 25–26 об.

Предположения Говорского выглядели так убедительно, что не вызвали в Синоде никаких вопросов и прошение было удовлетворено в том виде, как его представило Духовно-учебное управление.

Получив уведомление об этом, архиепископ Василий, как всегда осторожный в вопросах касающихся финансов, решил узнать лично от Говорского, насколько основательна его просьба и действительно ли в Смоленске имеются полезные для науки исторические материалы. Для этого архиерей затребовал от него в начале января 1856 г. через семинарское правление письменное показание: «Вполне ли он надеется отыскать в архивах города Смоленска многие исторические данные для уяснения древней нашей церковной и гражданской истории, и не будет ли поездка его в Смоленск сопровождаться напрасною потерей казны в отпуске для него прогонов на три лошади»⁹⁹.

В показании Говорский, снова сославшись на бытующее в Полоцке «громкое предание» о древнем полоцком архиве, счел все-таки нужным сообщить, что поскольку архива этого он лично не видел и о нахождении его в Смоленске официальных сведений не имеет, то за «непреложность предания о сем архиве» он не ручался и ручаться не может. Однако на возможность существования этого архива в Смоленске он указывал на следующие свидетельства. Некоторые из дворян Витебской губернии обращались в смоленские архивы за фамильными документами, необходимыми для подтверждения в Герольдии их дворянства, о чем получали с них копии. По этому случаю бывший полоцкий уездный судья Валентин Корсак даже предлагал полоцким дворянам перевезти древний полоцкий архив из Смоленска в Полоцк за свои средства.

Казначей полоцкого уездного суда Сицянко, доставлявший графу Н. П. Румянцеву множество копий с древних полоцких рукописей, встречал в разных документах свидетельства о том, что полоцкий архив был увезен в Смоленск, а дела, составлявшие в период занятия Полоцка Иоанном Грозным, вывезены после оставления города русскими войсками в Великие Луки или Псков. Об этом Сицянко сообщил письмом Н. П. Румянцеву в 1824 г., однако граф ничего по этому поводу не предпринял, поскольку скончался. По свидетельству Сицянко, полоцкий архив находился в каком-то подвале, а затем помещался в какой-то «круглой башне». Кроме

⁹⁹ Там же. Л. 32 об. – 33.

того, Говорский отмечал, что сам он, занимаясь составлением описи к актовым книгам полоцких архивов, неоднократно встречал ссылки на полоцкий архив, помещавшийся в Верхнем замке Полоцка, где находилась канцелярия воеводы, и увезенный потом Иоанном Грозным вместе с пленным полоцким воеводой Довойной в Россию. Впрочем, Говорский указал, что хотя приведенные свидетельства и утвердили его в убеждении, что в Смоленске действительно существует какой-то древний полоцкий архив, тем не менее он не исключал и того, что может ошибаться в своих предположениях¹⁰⁰. А следовательно, командировка его в Смоленск может сопровождаться напрасной тратой казенных денег. Ввиду этого Говорский просил начальство удостовериться о существовании в Смоленске полоцкого архива официальным путем.

Выяснив таким образом, что Говорский не вполне уверен в нахождении в Смоленске древнего полоцкого архива, при том, что уже последовало синодальное определение, архиепископ Василий был сильно раздражен на семинарского учителя. 31 января он послал К. С. Сербиновичу письмо, в котором уведомлял, что Говорский не вполне ручается за успех своей археологической поездки и просит «высшее начальство» навести предварительно справки о существовании в Смоленске древнего полоцкого архива. В конце письма он просил «наставлений», как в дальнейшем ему действовать по сему делу. Однако вследствие перемен, происходивших на обер-прокурорском кресле, вопрос этот практически был забыт на полгода¹⁰¹.

Между тем контакты К. А. Говорского с Императорским археологическим обществом стали результатом того, что он был назначен его членом-корреспондентом. Правда, не совсем понятно, когда именно. В «Истории Императорского Русского археологического общества» указано, что К. А. Говорский состоял членом-корреспондентом с 20 марта 1852 г.¹⁰² Однако совершенно другие даты указываются в его формулярных списках: в одном 31 мая 1856 г.¹⁰³, в другом — 12 ноября 1857 г.¹⁰⁴ Все же верной нужно признать дату, указанную в «Истории». В пятом томе «Записок Императорского археологи-

¹⁰⁰ РГИА. – Ф. 796. Оп. 131. Д. 826. Л. 94–95 об.

¹⁰¹ РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 32 об. – 33.

¹⁰² Веселовский, Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. С. 444.

¹⁰³ РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 10 об.

¹⁰⁴ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29891. Л. 22 об. – 23.

ческого общества», изданных в 1853 г., Ксенофонт Говорский уже указан как членов-корреспондент Общества¹⁰⁵.

Вместе с тем завершался «полоцкий» период жизни Говорского – семинария готовилась к переезду в Витебск...

Окидывая взором рассмотренный отрезок жизни нашего героя, можно с уверенностью констатировать, что судьбоносной в его биографии стала деятельность по составлению истории Полоцкой епархии. Именно эта работа пробудила в нем глубокий интерес к археологии и особенно к археографии.

Погрузившись в составление истории Полоцкой епархии, Говорский обогатил прежде всего собственные познания, становясь компетентным специалистом. Для своего времени он оказался довольно осведомленным человеком в церковной истории не только Полотчины, но и вообще на белорусско-литовских землях.

В процессе исследовательской работы и благодаря ей Говорский заводит знакомства с влиятельными людьми. Вместе с тем начинается его сотрудничество с Императорским археологическим обществом, а также публицистическая деятельность.

Но самым значимым его достижением в рассматриваемый период конечно же стало составление «Истории Полоцкой епархии».

Значение труда Говорского и вообще его отношения к делу показательно еще и ввиду того, что составление и издание описаний в большинстве епархий не были доведены до конца. К 1865 г. в Святейший Синод были присланы описания только 12 епархий (Владимирской, Кишиневской, Минской, Оренбургской, Подольской, Пензенской, Полоцкой, Саратовской, Смоленской, Варшавской, Курской, Камчатской) и разрозненные материалы еще по 8 епархи-ям (Вятской, Кавказской, Могилевской, Олонецкой, Рязанской, Симбирской, Костромской, Архангельской). В 1868 г. Синод окончательно отказался от идеи создания обобщающего курса истории Русской Православной Церкви на основе описаний ее отдельных епархий. Между тем работа по составлению историко-статистических описаний представляла в сер. XIX в. важную веху в развитии региональной истории и краеведения, а также провинциальной археографии¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Записки Императорского археологического общества. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государств. бумаг, 1853. – Т. 5. – С. 135.

¹⁰⁶ Раздорский, А. И. Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива. С. 125–126.

Несмотря на недостаток специальных знаний и ограниченный кругозор, Говорский все же сумел составить довольно неплохое для своего времени историческое описание Полоцкой епархии. Хотя во многом и несовершенное, оно вместе с тем сохраняет научную ценность и по сегодняшний день, поскольку содержит немало уникальных сведений, почерпнутых из документов, часть из которых уже утрачена. Для примера можно назвать хотя бы статью, посвященную уничтоженному в 1930-х гг. полоцкому Бельничскому монастырю, написанную на документах монастырского архива.

В 1917 г. «Историю Полоцкой епархии» Говорского с предисловием А. П. Сапунова готовили к изданию в первом томе «Трудов Витебского церковно-историко-археологического общества», но не успели¹⁰⁷. Ныне этот экземпляр «Истории» Говорского хранится в Витебском областном краеведческом музее.

Знакомство Говорского с многочисленными старинными документами во время исследовательской работы сформировало в нем твердое убеждение, что белорусские земли – это не польский край, как тогда считали многие, а русский – в смысле племенной общности. Убедившись сам, он начал уже целенаправленно искать тому документальные подтверждения, чтобы убедить и других, в первую очередь своих соотечественников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев ; под. ред. Б. А. Рыбакова. – Мн. : Беларуская навука, 1996. – 206 с.
2. Богородский, Н. Н. Историческая записка о состоянии Витебской духовной семинарии за минувшее столетие ее существования (февраль 1807 – февраль 1907) / Н. Н. Богородский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 6. – С. 214–225.
3. Веселовский, Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896 / Н. И. Веселовский. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1900. – 514 с.

¹⁰⁷ Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. С. 162.

4. Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка / К. Говорский // Витебские губернские ведомости. – 1860. – № 11. – С. 1–2; № 12. – С. 1–2.

5. Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка / К. Говорский // Записки Императорского археологического общества. – СПб., 1853. – Т. 5. – С. 98–103.

6. Говорский, К. Письмо в Императорское археологическое общество от 18 июня 1852 г. / К. Говорский // Витебские губернские ведомости. – 1852. – № 32. – С. 1–3.

7. Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению, так называемой Ольгердовой дороги / К. Говорский // Витебские губернские ведомости. – 1860. – № 5. – С. 13–14; № 6. – С. 13–14; № 7. – С. 13–14; № 9. – С. 1–2.

8. Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги / К. Говорский // Записки Императорского археологического общества. – СПб., 1853. – Т. 5. – С. 88–97.

9. Записки Императорского археологического общества. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государств. бумаг, 1853. – Т. 5. – 488 с.

10. Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора : в 3 т. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – 786 с.

11. Извеков Николай, священник. История Литовской Духовной Семинарии / священник Николай Извеков. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1892. – 566 с.

12. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). – Ф. 166. Оп. 5. Д. 6.

13. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изд. под ред. Созонова. – Витебск, 1895. – Вып. 26. – 516 с.

14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 2005.

15. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29891.

16. Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. – СПб. : Синодальная тип., 1906. – Т. 2. – Вып. 1. – XII, 547 с., 8 л. ил.

17. Пыпин, А. Н. История русской этнографии : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. IV : Белоруссия и Сибирь. – 488 с.

18. Раздорский, А. И. Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива / А. И. Раздорский // Археографический ежегодник за 2002. – М. : Наука, 2004 – С. 117–126.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 120. Д. 1508.

20. РГИА. – Ф. 796. Оп. 120. Д. 1508.

21. РГИА. – Ф. 796. Оп. 131. Д. 826.

22. РГИА. – Ф. 796. Оп. 135. Д. 171.

23. РГИА. – Ф. 797. Оп. 27. V отд. I ст. Д. 36.

24. РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138.

25. РГИА. – Ф. 797. Оп. 31. I отд. II ст. Д. 89.

26. РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 86.

27. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1000.

28. Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского († 13 октября 1896 г.) : в 9 т. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1901. – Т. 3 : (1862–1867 гг.). – 814 с.

29. Сапунов, А. Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке / А. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1886. – № 78. – С. 2–3.

30. Сороко, С. М. Ксенофонт Говорский в «Витебских губернских ведомостях» / С. М. Сороко // Проблемы истории литературы. – М., 2001. – Вып. 13. – С. 188–198.

31. Тыртов, А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболи в Полоцке / А. П. Тыртов // Литовские епархиальные ведомости. – 1892. – № 50. – С. 421–424.

32. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – 303 с.

33. Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 6. Д. 615.

34. Шавельский Георгий, протоиерей. К истории Полоцкого женского Евфросиньевского монастыря / протоиерей Георгий Шавельский // Прибавления к Церковным ведомостям. – 1910. – № 18. – С. 772–777.

35. Шавельский Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с Православною Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Георгий Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского Вестника», 1910. – 380 с.

36. Шпилевский, П. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках / П. Шпилевский // Пантеон. – 1856. – Т. VIII. Кн. 4 (смесь). – С. 71–96; Т. IX. Кн. 5–6. – С. 1–20, 1–34; Т. X. Кн. 7. – С. 15–56; 1854. – Т. XV. Кн. 5–6. – С. 21–44, 47–68; 1856. – Кн. 1. – С. 1–30; Кн. 3. – С. 1–28.